Решение офицера

Автор:
Алексей Гришин

Решение офицера

Алексей Гришин

Вторая дорога #3Попаданец (АСТ)

Продолжение истории ветерана российской контрразведки, волею случая ставшего бароном в магическом мире. Мечтал прожить вторую жизнь спокойно? Но офицер – не звание, а судьба. И пусть интриги властителей лишили дворянства, сделали простым полицейским, обязанности защищать с тебя никто не снимал. Так что распутывай преступления, если надо – совершай подвиги, получай чины и награды.

Но всегда помни – у Судьбы своя логика. Ей безразлично, что ты пережил и как высоко взлетел, лишь она знает, когда предъявить счет.

Готов ли ты платить? Принимай решение, офицер.

Алексей Гришин

Решение офицера

Есть решения, которые отрезают путь назад. Их непременно надо принимать.

Франц Кафка

Вступление

Из чего возникают сны?

Из мечты? Тогда нам видятся покоренными самые высокие вершины, к подножию которых мы только подошли, нас любят самые красивые женщины, с которыми мы даже не набрались смелости познакомиться.

Из прошлых утрат? И мы запросто болтаем с давно ушедшими друзьями, лишь тихо удивляясь, как им удалось вернуться в наш, такой прозаический, мир. Мы делимся с ними сомнениями, рассказываем сокровенные тайны. Почему? Может быть потому, что где-то там, глубоко внутри себя, видим в них камертон, по которому неосознанно сверяем правильность своих дел, верность принятых решений? Они не были безупречны, но во сне что-то происходит с нашей памятью, давая друзьям несомненное, безусловное право судить.

В эту ночь Жану снился его учитель. Опер, которому когда-то поручили сделать из выпускника минских курсов сотрудника, от которого можно требовать хоть каких-нибудь результатов.

Солнечным днем они сидели на крыльце старого дома посреди Зеленого квартала. Учитель – в невозможном здесь сером шерстяном костюме, белоснежной рубашке и сиреневом шелковом галстуке, в которых когда-то ходил на службе. Жан – в легкой кожаной куртке, кроссовках и джинсах. Вокруг слонялись местные оборванцы, но никто не обращал внимания на необычно одетых и говорящих по-русски собеседников.

– Ты же умер!

– Конечно, ты же был на похоронах.

– Тогда как оказался здесь?

– Все просто: ты звал – я пришел.

– Я никогда этого не говорил.

– Верно. Но разве нам всегда были нужны слова? Или с тех времен что-то изменилось?

– Нет… Да… Не знаю… В конце концов, с тех пор я сам успел умереть!

– Правда? А мне кажется, ты вполне себе жив, даже сын у тебя появился.

– Да. Здесь, но не там. А так ты прав, повезло. Счастливая случайность с вероятностью бесконечно малой. Я вообще счастливчик, ты же знаешь.

– Не думаю. Мне кажется – наоборот, в твоей жизни все было закономерно. Ты не мог не родиться, потому что твои родители любили друг друга. Ты пошел в ту школу, потому что жил в том районе. В этой школе работал учитель физики, который увлек не одного тебя, поэтому ты выбрал тот институт. Ну а уж в нашу контору случайно вообще никто не попадал, тебе ли не знать.

– Но жена – ее-то я встретил случайно?

– На комсомольском выезде в дом отдыха? – Учитель добродушно усмехнулся. – Там было много девчонок, но ты увидел только ее – разве это случайность?

– Хочешь сказать, что я шел по жизни, как слепой за поводырем?

– Вовсе нет. Сам знаешь, сколько наших друзей ушли в сторону. Легкие заработки, легкие женщины, легкая выпивка. Нам лишь предложили путь, а уж идти ли по нему – каждый решал сам. Я к чему… Если посмотреть так – согласен, что в твоей жизни не было случайностей?

– Ну, если так, то, наверное, да, согласен.

– Тогда вспомни – если в ряду закономерностей происходит что-то необычное, о чем это говорит?

– О том, что случайность – непознанная закономерность. Есть некий неучтенный фактор, который надо найти.

– Вот и ищи его. Хотя, боюсь, в свое время он сам тебя найдет. И тогда придется понять, зачем тебя поставили на эту вторую дорогу. А пока… пока ты неплохо поработал в этом городе.

– Надеюсь. Но почему моя работа несет смерть?

– Ты никого не убил. Во всяком случае, не в бою. Кроме одного, но тот сам напал на тебя.

– Да. Только погибшим от этого не легче. Почка, Шантерель, Мэтью Серый. Маршанд, сына которого убили в драке, вдова сошла с ума. Робер – он был сволочью, но не заслуживал, чтобы его зарезали в подворотне как барана. Я вытащил из грязи девчонок, но даже боюсь подумать, в какое дерьмо еще их окунет жизнь.

– Они все не были ангелами. И умерли не от твоей руки, ты даже не хотел этих смертей. Проблема не в этом. Боишься сказать?

– Наверное, – Жан пожал плечами. – Да, пожалуй, ты прав – я действительно боюсь. Новой работы.

– Уверен, что именно боишься?

– Сам посуди, придется ловить крестьян, которые стали грабителями лишь потому, что не нашли другого способа прокормить свои семьи. Однако никому не будет дела до этого – приговор будет один. Семьи умрут от голода сами.

– Крестьян? Если действительно думаешь так, то я был плохим учителем. Ты умудрился не увидеть очевидного. Мне жаль, прощай. – Учитель встал и уверенным шагом пошел по грязной улице.

– Андреич, подожди! Что? Чего я не увидел? – Жан попытался вскочить, догнать, расспросить… Но ноги не послушались.

Учитель остановился, обернулся, посмотрел долгим пронзительным взглядом, потом вновь пошел прочь.

– Андреич!!!

Жан проснулся от собственного крика. Успокаиваясь, огляделся, стал собираться с мыслями, постепенно возвращаясь к действительности… В этот момент на главной башне собора Нотр-Дам д’Амьен ударил колокол. В Галлии начинался новый день.

Монпелье

Его преосвященство, верховный пастырь Окситании герцог Руади писал письмо в Париж. Получатель – глава реформистской церкви Галлии, могущественный человек, контролирующий четверть страны. Простолюдин, когда-то монах в забытом Богом и людьми мелком монастыре. Своим трудолюбием, верой и талантом убеждать народ, вести его за собой он выбился из низов церковной иерархии, стал аббатом ортодоксов. Лишь тогда осенила его благодать истинного учения, после чего приобщился бывший аббат к идеям реформистов, в церкви которых неожиданно быстро сделал головокружительную карьеру.

Теперь в руках этого человека сосредоточена огромная власть, а главной обязанностью монсеньора Руади является эту власть всячески преумножать, вселяя в головы галлийцев простую истину о том, что нет в мире иной истины, кроме той, что открывается последователям новой церкви.

А то, что герцог служит простолюдину… ну так говорил же Спаситель, что мирские титулы есть тлен и обман, ибо лишь церковь вправе выделять пастыря из овец.

Был, правда, еще один нюанс, о котором знало лишь несколько человек, высших иерархов нового служения. Маленький такой, но за знание о нем правитель Галлии, не задумываясь, пожертвовал бы своей рукой. Только кому нужна та рука? Нет уж, лучше об этом молчать – и король целее будет, и осведомленные люди богаче – всем хорошо!

А нюанс заключался в том, что много лет назад блестящий юноша, потомок одного из знатнейших семейств Кастилии, согласился назваться именем галлийского крестьянина и принять постриг в том самом захудалом монастыре. Потому и не чувствовал себя герцог ущемленным, отчитываясь перед своим

духовным наставником, якобы выходцем из подлого сословия.

Перед тем юношей была поставлена достойная задача – пробиться наверх и сделать все возможное для отдаления церкви от галлийского престола.

И с тех пор он упорно шел к поставленной цели, удивляя учителей умом и ревностным служением. Рьяно, не жалея сил, не считаясь с трудностями. До того момента, пока Кастилия и Островная империя не осознали, что, несмотря на различия в вере, главный противник у них один – поднимающая голову Галлия, которая все уверенней заявляла о себе как о центральной державе Европы. А осознав, разработали план изменения ситуации, уделив особое внимание укреплению реформистской церкви как важнейшему элементу разрушения конкурента. А теологические споры… да ладно, кого они волнуют, когда на кону такие ставки.

Обо всем этом монсеньор Руади прекрасно знал, и такой расклад его прекрасно устраивал, позволив уже откусить немалый кусок от галлийского пирога и даря реальную надежду на дальнейшую сытую перспективу.

Потому и отчет сейчас требовалось составить тщательно, не упуская мелочей, описывая перспективы усиления реформизма в старой и доброй Окситании. Соответственно, в это время беспокоить его запрещалось под страхом пасторского неудовольствия. За исключением, естественно, ситуаций чрезвычайных. К ним, разумеется, относилась и та, что заставила секретаря войти в кабинет. Доклад был краток.

– Ваше преосвященство, к вам молодая дама, представилась герцогиней де ла Гер.

Есть! Тончайшая, блестящая игра, что началась пять лет назад, вошла в завершающую стадию! Сколько положено трудов, сколько пролито крови, сколько принесено жертв… Если бы эта девочка, что сжимает в приемной кулачки, сверкает глазами и желает вот прямо здесь, прямо сейчас добиться высшей справедливости, если бы она только могла представить, что этот день был отмерен, просчитан и указан так давно. Пусть не конкретно сегодня – что значит плюс-минус несколько дней? Даже месяцев? Ей-богу, не важно.

Что же, игра вошла в решающую стадию, карты противника известны, дело за малым – красиво и грамотно разыграть концовку.

– Приглашайте!

И сразу, как только Лилиан вошла в кабинет…

– Герцогиня, как я рад вас видеть! – с широкой, искренней улыбкой умудренного годами человека герцог Руади встал из-за стола и семенящей походкой поспешил к гостье. Главное – не дать ей броситься в атаку, произнести обвинения, отмываться от которых придется долго.

– Вижу, вы получили мое письмо. Поверьте, оно было написано в минуту отчаянья, но теперь все будет хорошо – вдвоем мы решим все проблемы, сметем все преграды! Господи, как же вы повзрослели!

Голос хозяина кабинета обволакивал и успокаивал, словно говорил кто-то самый близкий, от которого немыслимо ждать даже не подлости – просто недоброго отношения. Чтобы он приказал убивать детей? Да никогда, именно он, этот добрый мудрец, на это не способен по самой сути своей!

А собеседник говорил, говорил… Не убеждал, не спорил, просто рассказывал. О ситуации в Окситании, лживом тулузском графе, окружившем себя продажными советниками. И, разумеется, о семействе де Безье, о гнусном мерзавце – старшем сыне, с которым Лилиан, к несчастью, пришлось столкнуться, и не раз. Ложь? Боже избави! Свидетелей полно, можно сказать – все баронство. Да вот вы и сами съездите в ближайший женский монастырь, спросите у сестры Джиннайн. Это мать того несчастного мальчика. По остальным же его художествам, да только пожелайте, к вам очередь свидетелей выстроится… И не по моему приказу, просто людям часто надо, чтобы кто-то выслушал их горе.

А разве бывает, чтобы такие звери у добрых людей вырастали? И верховный пастырь реформистской церкви в Монпелье, его преосвященство Руади продолжил рассказ.

Это еще не была вербовка. Да какая может быть вербовка… кого? Герцогини де ла Гер? Кем? Священником? Боже упаси. Просто привлечение юной высокородной магини даже и не к сотрудничеству, простому взаимодействию,

определение общих интересов и целей.

С другой стороны – какая разница? Иное название, но в нем ли дело? Не сейчас, позже, может быть много позже, но эта девушка будет делать то, что нужно новой, действительно истинной церкви. А названия – оставим их теоретикам. Нам без надобности, нам суть важна.

Глава I

– Что может быть лучше хорошей погоды?

– Плохая погода, мой друг.

И. Морозов

Сержант Тома вел группу по зимнему лесу. Мелкий нескончаемый дождь, от которого давно уже не спасали насквозь промокшие плащи, промокший заплечный мешок с промокшим провиантом. По-зимнему стылый сырой воздух, пропитанный запахом прелой листвы, дурманил голову. Висящие на перевязи тесаки и колчаны, которые за время пути, казалось, утроили свой вес, гнули к земле уставшие плечи. В руках луки, точнее – длинные палки, которые, упаси Господи, нельзя использовать вместо посоха. Командир за этим следит особо – если у кого обнаружит затиры от земли, загоняет так, что демоны прослезятся.

– Лук – ваше главное оружие, ваша защита и спасение в лесу! – так он говорил в начале обучения. Тогда это казалось новым, увлекательным делом – им сказали, что будут учить самой интересной из охот – охоте на людей!

Три месяца назад полицейский сержант Ажан вывел свой взвод из города на учения. К этому солдаты были привычны – пройти по лесу пару-тройку десятков километров для разведчиков труда не составляло. Но в тот раз все было не так.

Во-первых, Ажан ехал на телеге, в которой лежал какой-то груз, прикрытый мешковиной. А, во-вторых, рядом с ним сидела – …Прекрасная Марта! Та самая трактирщица, что держала в городе несколько таверн, в одной из которых Тома

любил проводить редкие свободные вечера. Увидеть ее в расположении разведчиков – такое невозможно было представить в самых сказочных снах.

Но это было! Телега ехала к городским воротам, и обалдевший взвод топал за ней. За городом свернули на тропу, что вела к стрельбищу – большой поляне у подножия высокого холма.

Марта вышла перед кое-как построившимся взводом, уперла руки в бока, бросила насмешливый взгляд и обратилась к солдатам неожиданно громким голосом:

– Ну что, орлы, считаете себя великими бойцами? Похвально! Тогда шаг вперед, кто может поразить три мишени на расстоянии двадцати метров за десять секунд. Нет таких? Так будут! Ваш командир попросил научить, и провалиться мне на этом месте, если через три месяца кто-то из вас не научится. Впрочем, я вижу гнусные ухмылки на ваших гнусных рожах. Жан, будь добр, поставь три мишени на пятьдесят шагов.

Пока командир бегал устанавливать мишени, Марта взяла в руки лук, а стрелы на островной манер воткнула перед собой в землю.

– Ну что, мужчины, смотрите!

Три стрелы вылетели с невероятной скоростью, и когда первая вошла в мишень, третья уже уходила с тетивы.

Солдаты мастерство лучницы оценили, желание смеяться над этой женщиной пропало навсегда.

Началась учеба. Каждый день по часу Марта учила их своему страшному искусству. Вначале стреляли медленно на пять метров, потом на десять, потом двадцать. Дальше, как сказал Ажан, не надо – в их деле этого расстояния достаточно. Только после того как попадания стали уверенными, темп стрельбы стал возрастать.

А кроме этого, взвод учился ходить по лесу бесшумно, не оставляя следов, читать эти самые следы, сродниться с лесом, стать его частью, словно хитрые и

жестокие лисы. Словно безжалостные волки, умеющие как загонять добычу, так и уходить из самых тщательно организованных облав. Раньше разведчики учились другому. Их дело – просочиться в охраняемый лагерь, устроить диверсию, взять «языка» и вернуться к своим.

Взводу Тома предстояло бороться с такими группами. И самым тяжелым в этом ремесле оказалось научиться терпению. Разбойники сами определяют, когда и как им нападать, какими тропами уходить. У них тысяча дорог. У бойцов Тома будет только одна, и ошибаться в выборе нельзя – каждая такая ошибка обернется новыми разграбленными караванами, убитыми людьми, которые так надеялись на сержанта и его солдат.

Поэтому и шла сейчас группа в учебный выход измотанная, промокшая и злая, но твердо намеренная выполнить поставленную задачу – дойти до одного из лесных озер, обследовать берег и найти следы недавней стоянки, при этом не оставив своих. Привычное уже дело. Настолько привычное, что последние месяцы все разговоры в его взводе начинались с сакраментальной фразы: «Идем мы, замотанные». Впрочем, последнее слово чаще заменялось другим – более соленым, точнее описывающим истинное состояние бойцов.

А где-то сзади – Ажан. Смотрит следы, оставленные группой, слушает – хрустнет ли под ногами ветка, прозвучит ли чей-то голос, проклявший не к месту пришедшуюся кочку. А на следующий день проведет «разбор полетов». Какое отношение полеты имеют к хождению по лесу и на какие части их надо разбирать – солдатам было абсолютно непонятно, но задавать вопросы никто не решался. Всем хватило истории, когда кто-то из солдат поинтересовался, зачем им знать, где зимуют раки. В ответ командир на потеху горожанам устроил десятикилометровый кросс вокруг города, после чего выстроил взвод и спросил, у кого еще остались вопросы по поводу зимовья раков. Среди измотанных бойцов интересующихся не нашлось.

Все эти мысли, отвлекая от усталости, крутились в голове Тома, не мешая тем не менее делать свое дело – определять направление движения. Поскольку заблудиться в диком лесу, среди нагромождений упавших от времени деревьев и зарослей лезущего в глаза кустарника, да еще под низкими дождевыми тучами, напрочь затянувшими небо, было делом пустяковым, не расслабиться хоть на мгновение.

Наверное, благодаря этой собранности или в силу уже выработанной привычки обращать в лесу внимание на все необычное, сержант отметил мутную воду в одной из луж. Прошел зверь? Возможно. На плотном слое опавшей листвы следы не отпечатались. Значит, надо осмотреться. Вообще-то похоже на звериную тропу. Прошел кабан или олень? Надо проверить. Расширим поиск – командир учил, что оставлять за спиной неизвестность смертельно опасно.

Вскоре все разъяснилось. Метрах в двухстах от лужи обнаружился сломанный сучок. На высоте лица человека, он смотрел вверх. Так ломают только люди. А кто в дождь может идти по зимнему лесу, где нет даже тропинок – лишь звериные тропы? Девочка с пирожками для любимой бабушки? Высокая такая девочка. Судя по сучку – ростом со здорового мужика.

Ситуация интересная, но лучше подождать командира.

Ажан подошел через четверть часа.

– Что случилось? Почему остановка? – шепотом спросил командир.

В ответ сержант показал на лужу и сломанный сучок.

– Молодцы, – Ажан похвалил все так же шепотом – лес не любит громких разговоров. – Расширить поиск, должны быть еще следы.

И они нашлись. Шли двое мужчин, особо и не скрываясь – просто тропа, а это оказалась именно нахоженная тропа, в основном проходила под деревьями, где опавшая листва не давала отпечататься следам. Но пользовались ей часто.

– Четверо, натянуть луки и за мной на пределе видимости, и не дай бог наследите! – Ажан показал крепкий кулак. – Остальным укрыться в стороне, выставить наблюдение, себя без команды не обнаруживать ни при каких обстоятельствах.

И началось преследование. Без беготни, осторожно, внимательно вглядываясь вперед. Главное – не обнаружив себя, понять, кто и зачем гуляет под зимним дождем с риском намочить ноги и получить насморк.

Выручил опыт пограничья и предельная внимательность. Лесные путешественники понадеялись на дождь, глушащий звуки, а может, просто расслабились, но державшийся в стороне от тропы Ажан услышал хруст ветки и едва успел залечь. У его солдат было больше времени, и они не подвели, мгновенно слившись с лесным пейзажем.

Мимо прошли двое мужчин. Типичные крестьяне в дешевых кожаных куртках, старых шляпах, впрочем, надежно защищавших от дождя, и коротких сапогах, в которых удобно пробираться звериными тропами. Вооружены большими ножами, скорее похожими на тесаки. По лесу шли привычно, но совершенно беспечно, словно по своему огороду. Да, старались не оставлять следов, но при этом болтали о каких-то своих делах. Словно кто-то приказал им соблюдать осторожность, но забыл объяснить зачем.

Разбойники? Скорее всего. Причем уверенные в своей неуловимости, обнаглевшие, что радует. Однако что делать? Захватить? Можно, а смысл? Они прошли в сторону города полчаса назад, судя по следам, и уже возвращаются. Проводили своего человека? Зачем? Город не на военном положении, местный житель может приехать открыто, если он действительно местный. А если нет, и им заплатили за сопровождение? Тогда почему расстались так далеко от города? Не знающий леса человек, да еще в такую погоду, будет выходить из него очень долго, это если вообще в болоте не утонет.

Значит что?

Встреча с осведомителем? Который под дождем поперся в лес для десятиминутного разговора? Тоже ерунда. Тогда – маяк. Место безличной связи, где оставляются письма с информацией и инструкциями. Вот это скорее всего. И в этом случае группу лучше отпустить. Пусть себе идет. Есть, правда, вариант отработать следы, поискать базу… Только стрёмно. Если ребята не полные лопухи, где-то могли посадить дозор, нарваться на который означает плюнуть в лицо Фортуне. Не стоит грубить даме.

Поэтому, пропустив группу «неустановленных лиц», сержант продолжил отработку следов. Маяк нашелся действительно недалеко – связные, а Ажан мысленно называл прошедших именно так, ненадолго остановились и пошли назад. Солдаты обыскали территорию и под корнями одного из деревьев, на котором была сделана приметная зарубка, нашли пустую, неплотно запечатанную пробкой бутылку.

Значит, действительно, приходили связные за сообщением.

И значит, учеба кончилась. Началась работа.

Глава II

В кабинете интенданта Амьена виконта де Романтена было тепло и сухо. Уютно горел камин, отражаясь веселыми огнями в застекленных окнах.

Гурвиль, нахально пользуясь привилегией доверенного сотрудника, с бокалом вина расположился в любимом кресле в углу комнаты. Виконт вольготно развалился в другом, стоящем около камина. Создавалось впечатление, что старые знакомые собрались просто поболтать о пустяках. Занимательных, но совершенно не важных.

– Я правильно понимаю, что Ажан полностью сосредоточился на подготовке солдат, а полицейские дела забросил?

– Не совсем, ваша милость, – Гурвиль, несмотря на доверительный характер беседы, был подчеркнуто вежлив, – я бы даже сказал, что в полку он проводит менее половины своего времени. Остальное – в наших архивах – изучает материалы по нападениям на караваны, а еще… ну… в общем, работает с подчиненными. Теми «стариками», которых мы ему выделили.

– Помню, ты как-то уже докладывал, что с этим что-то не так, но, честно говоря, я так и не понял. Вроде как они у него на службу ходить перестали, даже зарплату за них получает Ажан. Но ты поклялся, что все под твоим контролем. Или это не так? И все-таки, что, черт возьми, у тебя происходит?

– Как сказать, ваша милость. – Гурвиль подобрался – болтовня кончилась, начинался серьезный доклад. – Сержанту известно, что за прошедший год в Амьене погибло шесть полицейских. Одного прибили табуреткой в пьяной драке, двое погибли при задержании преступников, а троих убили, когда они следили за подозреваемыми. Трое за год – согласитесь, это много.

– Все верно, и что? – раздражаясь, спросил интендант. – На то и полиция, что здесь иногда убивают. За это им и деньги платят. Не хватало еще, чтобы солдаты в армии на потери жаловались.

– Потери потерям рознь. Там ведь не только наши погибли, но и преступники ушли от наказания – нечем оказалось их прижать. До сих пор мерзавцы на свободе, среди своих даже в героях ходят. А почему? Да потому всего лишь, что слежку заметили.

И Гурвиль начал рассказывать подробно.

Ажан предложил работать в двух направлениях.

Во-первых, подготовленные им разведчики амьенского полка должны были найти базы разбойничьих банд. Для этого и потребовалась длительная подготовка – нужны были пленники, которые могут сообщить информацию, которых можно заставить работать на полицию. Как? В эти подробности Ажан не вдавался, заявив, что вначале нужно хоть кого-нибудь поймать.

Во-вторых, банды не смогли бы действовать так эффективно без сведений из города. Значит, информаторов надо найти и обезвредить, а для этого нужно научиться следить. Грамотно, так, чтобы получать результат и не терять людей. И именно для этого Ажан решил использовать приданных ему ветеранов, прекрасно знающих и город, и повадки преступников.

Раньше такого не было – слежку, если требовалось, вели сами патрульные. Иногда получалось, но часто опытные, самые опасные бандиты обнаруживали «хвост», и хорошо, если просто отрывались. Нередко они наводили полицейских на засады, и у тех не всегда получалось отбиться.

В принципе, Ажан, оценив ситуацию, сделал достаточно логичные выводы. Действительно, у него есть пять подчиненных, немолодых, опытных патрульных. Что дает им опыт? Знание города и повадок преступников. Вот, пожалуй, и все.

Для работы в лесу есть почти готовые специалисты – разведчики амьенского полка. Но лесные разбойники имеют сообщников в городе, который эти пятеро исходили вдоль и поперек. Поэтому и было принято решение полностью освободить их от обычных занятий полицейских.

– Вот Ажан своих и готовит, следить учит, – закончил доклад Гурвиль.

– Следить? – язвительно усмехнулся интендант. – Всех пятерых? Не много ли? Это что они, толпой ходят, чтобы в глаза не бросаться?

– Как раз не толпой. Я, ваша милость, недавно такой же вопрос задал. А сержант со мной на дорогое вино поспорил. Сказал, что за мной целый день следить будут, и вечером он мне подробно расскажет, где я за день побывал и с кем встречался. Так вот, если я смогу описать тех, кто за мной следил, с него бутылка.

– И как?

– Ажан сказал, что вино было превосходным, – Гурвиль расстроенно развел руками.

В это время в кабинет вошел секретарь.

– Господин интендант, по вашему вызову прибыл сержант Ажан.

Доклад сержанта был краток и информативен. Во время учебного выхода в лес группа разведчиков обнаружила тайник, вероятно использующийся для связи одной из банд с городом. Одно из капральств оставлено для наблюдения с задачей – установить того, кто придет из города. При возможности разведчики постараются захватить бандитов. Не получится – уничтожат.

– Желаешь заявить о себе на все графство? – иронично спросил де Романтен. – Чтобы все окрестные бандиты узнали, что сержант Ажан во главе бравых разведчиков начал на них охоту?

– Наши люди хорошо подготовлены, ваша милость. Я уверен, что они смогут сработать тихо.

– Рад, что ты уверен. А наблюдателей своих в лесу сколько держать планируешь?

– Сколько потребуется. Если в течение недели ничего не произойдет, их поменяет другое капральство, потом третье и так, пока не будет результата. Но и просто сидеть никто не собирается – уже завтра купеческая гильдия начнет формировать караван в Кале – у них действительно скопились на складах запасы тканей, и каждый день отсрочки оборачивается убытком. Охранников сейчас в городе мало, потому добычей караван станет сладкой, если лесные молодцы вовремя о нем узнают. Так что понесет кто-то из города письмо очень срочно. А там этого кого-то уже будут ждать.

– Получается, что сегодня мы приступили к новому делу? Отлично! – интендант азартно потер ладони, подошел к секретеру, достал новую бутылку вина и бокал для Ажана. Налил себе, Гурвилю и сержанту. – Тогда выпьем за удачу – пусть она не оставит нас в нашем деле! Не хочу никого пугать разговорами о последствиях провала, но заявляю уверенно – если, пусть не все, но что-то хорошее у нас, – де Романтен подчеркнул голосом «у нас», – получится, награда будет достойной. Его сиятельство умеет быть благодарным!

Когда Ажан уже покидал кабинет интенданта, тот остановил его вопросом:

– Сержант, а почему ты поручил слежку старикам? Скажу по секрету, у графа в свое время обсуждался вопрос о создании такой службы. Его старший сын предложил набрать мальчишек из низов и поручить это дело им. Вроде как их никто не замечает, бегают они везде, все знают. Эта идея казалась перспективной.

– Кто я такой, чтобы спорить с графом? – обернувшись от двери, спросил Ажан. – Но я всегда считал, что именно на детей мы обращаем внимание прежде всего, люди именно так устроены. Кроме того, они часто отвлекаются, болтливы, любят похвастаться перед сверстниками, что в нашем деле недопустимо. А самое главное – вы уверены, что заметивший слежку преступник пожалеет ребенка? Сможет ребенок себя защитить? Вы готовы послать его на такой риск?

Выходя из здания полиции, Ажан думал о последней части разговора. В прошлой жизни ему частенько приходилось читать книги, в которых спецслужбы запросто использовали детей. Разумеется, они были написаны дилетантами, близко не представляющими себе реальной работы. Но ведь не надо быть профессиональным физиком, чтобы не посылать ребенка в ядерный реактор. Не надо быть альпинистом, чтобы не отправлять ребенка покорять Эверест. Но нашелся режиссер, который снял фильм о подготовке детей-диверсантов, и

нашлись искусствоведы, давшие фильму какую-то награду. А уж о детях, ведущих слежку, в фэнтези, кажется, только ленивый не писал.

Эти грустные размышления были прерваны мелодичным женским голосом:

– Господин сержант, уделите время бедной девушке!

Она стояла на другой стороне улицы. В отсветах факелов, что горели у входа в здание полиции, и ярком свете полной луны были видны роскошные волосы, стройная фигура, светлое платье и темная меховая накидка… Судя по одежде, именно эту девушку никак нельзя было назвать бедной.

– Вы ко мне?

Красавица, а девушка была по-настоящему красива той трогательной, доверчивой красотой, что никогда не оставляет равнодушным мужское сердце, подошла вплотную, окутав запахом пудры, дорогих духов и пота. Увы, без него никуда, только истосковавшееся без женской ласки сердце… ну, или… в общем, плевать было Жану на этот нюанс.

– Моя госпожа просит вас встретиться с ней завтра, – и эти скромно опущенные веки, этот случайно брошенный на тебя взгляд, это чудо мгновенного понимания, что вот сейчас возьми ее за плечи, посмотри в глаза, и ты утонешь в них навсегда!

– Кто ваша госпожа?

– Мадам де Ворг, графиня де Бомон. Завтра в полдень она будет обедать в таверне «У Прекрасной Марты». Надеется, что вы составите ей компанию!

Фигассе! Вот так запросто, его, затрапезного простолюдина, приглашает отобедать графиня! От таких предложений не отказываются, но пути бегства начинают продумывать незамедлительно. Только о чем можно думать, когда рядом стоит сама Судьба! От запаха волос кружится голова, сердце готово вырваться из груди!

– А как вас зовут, милая девушка?

– Николь.

Боже, какое имя! Эти плечи, к которым сами тянутся руки, эти щечки, на которых играют отсветы фонарей, эти губы, которые невозможно не целовать. Черт, она почти прижалась к нему! Если она сейчас поманит пальчиком, за ней можно уйти на край света!

…Кому-то другому. Жан уже видел эти глаза. Тогда в них застыла ненависть, по этим прекрасным щекам катились слезы, а губы скривились от страха.

Этой встречи он не ожидал. Хотя все логично. Четыре года назад в Клиссоне прекрасная Колетт влюбила в себя юного графа де Бомон. Естественно, влюбила, куда бы он делся, при таких-то ее талантах. Элегантная интрига была организована кастильской разведкой с целью простой и незамысловатой – дискредитировать этого графа, обвинив в убийстве галлийского офицера.

Не получилось, не вовремя вмешался Жан, тогда еще барон де Безье. Колетт с соучастником были арестованы и… ну да, отправлены в Амьен для разбирательства и суда у владетельного графа.

Что же, девушка никого не убивала, более того, сценарий кастильцев предполагал и ее смерть. Мог граф ее не просто помиловать, а еще и на службу взять? Рыцарь, такую красавицу, да еще и умницу? Запросто!

Тогда главный вопрос – узнала или нет! Какая тут любовь? Не до нее.

– Передайте ее сиятельству, что я непременно буду.

– А вы разве не проводите меня до замка? Ночь холодная, темная…

Узнала. Узнала, но продолжает играть. Зачем? Мысль о внезапной любви к уроду отметаем сразу, как дурацкую. Влюбленная Колетт? Конечно, возможно, но не так и не в того. Если она работает на графа или графиню, в сторону полицейских сержантов ей и смотреть неинтересно – не тот доход. А если продолжила работать на кастильцев? У них к сержанту Ажану счет серьезный.

С другой стороны, если засада – зачем такие хитрости? В ночном городе всадить нож в спину можно и по дороге домой – благо адрес ни для кого не секрет. Тогда что? Интересно, а значит…

– Разумеется, Николь! Такие красавицы не должны ходить одни. Не дай бог украдут – город такой потери не переживет. Позвольте предложить вам руку.

Дальше начался обычный треп молодых людей – веселый, полный намеков, но ничего не обещающий. Попытки Жана выяснить причину полученного приглашения были отвергнуты с изяществом, достойным опытной интриганки, – под болтовню вроде как недалекой простушки, уверенно, но совершенно не обидно.

Зимний амьенский вечер, звездное небо, полная луна, освещающая узкие кривые улицы, в романтическом свете которой скрывается грязь, но подчеркивается строгая красота средневекового города. И милый щебет очаровательной девушки, каждый жест, каждая интонация которой буквально кричат, что ты ей небезразличен.

Так никогда не было в этом мире. Лишь в том, оставшемся бесконечно далеко. Когда лейтенант с эмблемами связиста шел по вечернему минскому парку, не думая ни о прошлом, ни о будущем, просто наслаждаясь бесконечно прекрасным настоящим. Та девушка… потом жена… как она там? Что с ней, с дочерьми?

Воспоминания о семье выручили, вернули способность думать, анализировать происходящее.

Итак, нас охмуряют, это очевидно. Стоит ли принимать эту игру? Мозг говорит, что не стоит. Тело… да, с этим сложнее. С другой стороны, почему нет? Мы целибат не принимали… В общем, решим потом, пока что сохраним возможность будущей встречи. В конце концов, играть мы тоже умеем. Поэтому уже на подходе к замку в лунной тени высокого дома, где их не могли увидеть случайные прохожие, Жан обнял девушку за плечи.

– Николь, смогу я увидеть вас завтра? – именно так, добавив в голос жар влюбленного идиота.

– Ой, завтра – не знаю, я ведь своим временем не располагаю… Если только в воскресенье, я буду сопровождать госпожу на молитву в Нотр-Дам. Найдите меня в церкви, – в темноте не видно лица, но никаких сомнений – Николь смотрит самым очаровательным своим взглядом.

– Воскресенье, еще три дня, да я с ума сойду! – и попытка поцелуя, от которого девушка очаровательно уклонилась.

– До воскресенья, господин сержант!

Да, если бы на месте Жана был обычный молодой человек, у него шансов не было. Влюбился бы по уши, до полной потери мозгов, как четыре года назад влюбился в нее юный граф де Бомон. Да что там молодой человек, у Жана бы шансов не было, если б не помнил он эти глаза тогда, в Клиссоне, не видел трупа несчастного офицера, племянницей которого представлялась эта самая Колетт.

Что же, еще одна загадка, которую будет интересно разгадать. Только это потом. Сейчас главное – завтрашняя встреча с мадам де Ворг. Все еще мадам де Ворг, хотя Прекрасная Марта еще перед Рождеством, разумеется, по большому секрету, передала свежую сплетню о том, что сам шевалье разоблачен как шпион, но сумел сбежать от правосудия. В этом случае можно было легко добиться развода, однако графиня с этим не торопится. Связано ли это с предстоящим разговором? Интересно, черт побери!

В полдень Жан подошел к заднему входу таверны. Тому, которым пользовались слуги, через который вносились на кухню продукты и выносился мусор. О том, чтобы войти через главный вход, не могло быть и речи. И не только потому, что Ажан простолюдин. В данном случае главным было то, что он мужчина. Ибо это была та самая таверна Прекрасной Марты, где собирались дамы высшего света. Будь ты барон, граф, да хоть герцог – в это заведение тебе ходу не было. Может быть, для его величества было бы сделано исключение, и то не факт. Во всяком случае, до сих пор король Галлии не пытался зайти в это здание.

Жана встретила сама Марта и повела каким-то темным и узким коридором. Еще предыдущим вечером она сказала, что в таверне имеются кабинеты для приватных бесед. Обслуживала таких посетителей трактирщица лично, и только

она знала, кто здесь и с кем встречается. Тайна кабинетов была самым охраняемым секретом и одним из главных источников ее дохода.

Кабинет, где обедала мадам де Ворг, был, собственно, небольшой, но богато украшенной комнатой с длинными узкими окнами, расположенными вверху. Они давали достаточно света, но разглядеть сквозь них что-то с улицы было совершенно невозможно. В кабинете был лишь изящный обеденный стол и четыре стула. Обстановка напрочь отметала любые мысли о возможном неподобающем поведении гостей – просто удобное помещение для обеда и доверительного разговора.

Графиня сидела за столом, на котором стояла бутылка вина и два стакана.

– Жан, заходи, присаживайся. Попробуй вино – оно превосходное. Я заказала обед на двоих. Надеюсь, ты не откажешься пообедать со мной?

– Благодарю за честь, ваше сиятельство. Поверьте, я рад вас видеть.

Рапиры извлечены из ножен, участники словесной дуэли приготовились к схватке.

Да, эти двое через многое прошли вместе, они верят друг другу, всегда готовы помочь, но сейчас, очевидно, отдельная ситуация. Должно прозвучать что-то необычайно важное и, вероятно, опасное для обоих. Иначе зачем эта таинственность?

А начать такой разговор тяжело, потому и чувствуют себя собеседники, как фехтовальщики в смертельном поединке.

Первой решилась графиня.

– Ты знал, что Идальго – мой муж? Тогда, в таверне Этампа. – Взгляд прямой, твердый, от такого не увернешься уклончивым ответом, не потеряв навсегда доверия собеседника.

– Не знал, но догадывался. Если бы тогда вы потребовали доказать – я бы не смог, – также твердо ответил Жан, глядя прямо в глаза. Такой взгляд для

простолюдина недопустим, но сейчас этим двоим, по-видимому, было не до этикета.

– Тебе все надо доказывать, – горько усмехнулась графиня. – Даже на дороге из Тулузы, когда на тебя напали, ты ждал доказательств, прежде чем начать защищаться.

– К счастью, не всегда. В частности, мне не нужны доказательства, чтобы верить друзьям.

– К числу которых, разумеется, не может относиться графиня, – мадам де Ворг скорее констатировала факт, чем задала вопрос.

– Разумеется, – Жан кивнул. – Но вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. У вас что-то случилось?

Оказалось, действительно случилось. После того как известие об измене де Ворга просочилось в общество и стало самой обсуждаемой темой светских сплетников, графиня замкнулась в себе – не было ни желания, ни сил терпеть сочувствующие, а порой и ехидные взгляды знакомых. Сказать что-то едкое дочери графа – таких смельчаков не нашлось, но вот взгляды… За них не вызовешь на дуэль, не отдалишь от двора. Но от них и не спрячешься, а жалят они безжалостно, как наточенные клинки в опытных руках.

В результате у графини появилось свободное время, которое она посвятила девочкам мамаши Шантерель. Тем самым юным проституткам, вырванным из жуткого борделя, работа в котором всегда заканчивалась смертью несчастных. Сейчас они жили в приюте, обеспеченные едой и одеждой. Благочестивые монашки всеми силами пытались вернуть их к нормальной жизни, научить ремеслам, которые нужны девушкам, желающим жить достойной жизнью. Что-то получалось днем. Но девчонки искренне не понимали, почему ночью им нельзя заниматься делами привычными и, что греха таить, приятными.

Тогда следовали наказания, обычные в это суровое время. Но наказания не приводили к исправлению. Лишь к скрытности и озлоблению на этих ненавистных взрослых, вырвавших их из теплого и уютного мира. Словам о том, что все их подруги, якобы уехавшие в большой мир, были убиты, девочки не поверили, а эксгумацию трупов власти проводить не стали, чтобы не

спровоцировать народ на самосуд.

В этот момент в их судьбе и появилась мадам де Ворг. Знатная женщина, богатая, красивая, образованная, запросто болтала, рассказывала интересные истории, обсуждала девичьи проблемы. Не с позиции Святого Писания, как это делали монахини, а просто из своего опыта.

И оказалось, что мир вокруг широк и прекрасен, труд может быть самым разным, только приложи силы и научись тому, что тебе интересно. А то, за что их ругали и наказывали, очень важно, но должно принадлежать одному человеку, самому главному, которого каждой из них еще только предстояло встретить.

Разговоры были долгими, непростыми, часто выматывавшими у графини все силы, а приносимые изменения маленькими, едва заметными, но они были! И еще в них рождалось доверие к этой госпоже, а доверие рождало рассказы. О гостях борделя, их манере говорить, двигаться, типичных фразах. О случайно подслушанных разговорах с Мэтью Серым. Мадам де Ворг узнала то, что не смогли вытянуть из девочек ни полицейские, ни люди старшего брата.

Она узнала о существовании в Амьене Организации. Именно так – Организации, с большой буквы, куда входили люди, не относящиеся к элите Амьена. Но, сплотившись, они легко могли контролировать всю жизнь этого города.

Это знание не пришло свыше. Вначале одна девочка рассказала, как Мэтью ругал одного из посетителей за то, что тот неверно рассказал об охране какого-то каравана. Затем другая – как двое посетителей обсуждали, сколько они получат за информацию о состоянии графской казны. После этого графиня уже начала задавать вопросы целенаправленно. И вот она знает об Организации, может что-то рассказать о ее участниках, хотя девочки и не знали имен своих клиентов. А толку?

Пыталась поговорить с отцом, старшим братом. Оба отреагировали одинаково – не надо фантазировать и лезть в мужские дела. Занимайся, дорогая, вышивкой и сплетнями. Или вон на бал сходи – давненько на балах не была. И не бойся косых взглядов – мы всем, кому надо, косоглазие навсегда вылечили.

Так что не удалось Миледи найти своего Ришелье. Осталось обратиться к Рошфору, на роль которого идеально подошел некий полицейский сержант. Или

она и здесь ошиблась?

– Интересный разговор у нас получается, ваше сиятельство. Если бы эту историю мне рассказал кто-то другой, я бы однозначно согласился с вашим отцом и братом – слишком все театрально выглядит. Тайное общество, с не менее тайным руководителем, контролирующее город, где без ведома вашего батюшки, по-моему, куры не несутся. – Жан задумчиво пригладил волосы, взял свой бокал, полюбовался на игру света в вине и отставил в сторону – не до него. – Однако рассказываете вы, а значит, это не фантазии впечатлительной барышни. Надеюсь, располагаете временем? Тогда давайте с начала и подробно. Сейчас будет важна каждая мелочь.

К концу разговора нетронутый обед остыл, вино осталось невыпитым – собеседники о них просто забыли. Главным было другое – получена серьезнейшая информация, с которой неизвестно, что делать. Доложить по инстанции? Вроде как графы прошляпили, а мы в полиции такие молодцы? Интересно, в какую даль пошлет де Романтен? Короче – не вариант.

Заняться в порядке личной инициативы? Еще веселей – на оперативном поле один никогда воином не был, а здесь в противниках целая Организация, чтоб ее…

Остается, как всегда, искать третий путь. К счастью, хоть с этим проблем нет. В заведении мамаши Шантерель нашли украшения, похищенные лесными разбойниками. У адвоката Вержа – ткань от них же. Мэтью Серый ругал кого-то за неверные сведения о караванах. Так что связана Организация с лесом, это очевидно. Тогда основной остается работа в лесу, а информацию графини придется отрабатывать как резервную. Причем тихо – поспешность в таком деле до добра не доведет. Тем более что конкретики недостаточно.

Да, какие-то персонажи просматриваются, а что дальше? Какова их роль, цели, задачи, поставленные Организацией? Неизвестно. Одно хорошо – девочки рассказывали, что не раз слышали о каких-то встречах перед плахой. А не таверна ли это, принадлежащая господину, несколько месяцев назад выбравшему себе псевдоним «Фальстаф»? Если так, то госпожа Фортуна и в этот раз на стороне полиции. Так не будем же отворачиваться от ее сияющей улыбки! Сегодня же вызовем агента на срочную встречу.

Но вечером.

А днем Жан продолжил начатую с утра работу – организовывал эксперимент на мнимое благоприятствование, как это называлось в учебниках.

Вокруг города были выставлены скрытые посты разведчиков с задачей отмечать все необычное. Пойдет ли из какой трубы необычный дым, взлетит ли в неурочный час стая голубей или какой одинокий голубь стрелой помчится прочь из города – обо всем этом вечером следовало доложить.

В это же время сам шевалье де Ренард, глава купеческой гильдии Амьена, дал указание за три дня сформировать крупный караван на Кале, куда прибывает какой-то корабль, готовый забрать крупную партию великолепного амьенского сукна. Не беда, что собрать серьезную охрану не получится – разбойники за три дня не успеют подготовиться. А оплата пойдет через банки, там уже деньги будут в безопасности.

Решатся ли на самом деле бандиты напасть на такой караван – вопрос. Но их осведомители в городе направить информацию обязаны, они упустить такой случай не имеют права. Риск? Да, присутствует. Только вот уже четыре года их судьба милует. Бог, ну или демон, пронесет и на этот раз.

Ожидания Ажана оправдались в полной мере. В этот день были зафиксированы и черный дым, поднявшийся в холодное зимнее небо над одним из окраинных домов. И стая голубей, слишком долго кружившая над Амьеном, и телега, сломавшаяся на выезде из города. Только улетающий голубь замечен не был – то ли прозевали, а то ли и не было его вовсе.

В любом случае владельцы внезапно задымившего дома и голубятни были установлены. Ими оказались достойные амьенцы, близко не вхожие в высшие круги общества и уж, упаси Господи, никогда не появлявшиеся в заведении мамаши Шантерель.

С хозяином сломавшейся телеги все оказалось интереснее. Узнав о происшествии, Ажан под видом путешествующего бездельника проехал мимо. Ну не понравился ему возница, и телега не понравилась, и вообще настроение было гнусное. Короче, высказал он все, что думает об идиотах, мешающих честным людям по дорогам ездить. Выслушал в свой адрес не менее лестные

слова, пошел разбираться. Но, как часто бывает, дело до драки не дошло. Более того, помог телегу убрать подальше на обочину. Причина поломки оказалась банальна – ось сломалась. Бывает, разумеется, но ось оказалась надпиленной, а, стало быть, не сама произошла поломка.

После этого Ажан уехал по своим делам, а возница остался ремонтировать телегу. Вот наверняка какой хахаль жены ось подпилил, чтобы муж подольше домой не возвращался – теперь ремонт на целый день затянется. Ругаясь на чем свет стоит, возница проклинал и свою судьбу, и этот день, даже не подозревая, что именно сегодня навеки вписал свое имя в историю амьенской полиции, став первым объектом профессионального наружного наблюдения под рабочим псевдонимом «Лопух».

Амьен,

конспиративная квартира «Теплая»

Квартира появилась в распоряжении амьенской полиции от щедрот главы амьенской купеческой гильдии, в прошлом мэтра, а ныне шевалье де Ренарда. Этим подарком сей благородный муж стремился не столько внести лепту в борьбу с преступностью, сколько загладить свою вину перед Жаном, коего из родительской ревности несколько месяцев назад пытался отдать в лапы своих костоломов. Показалось ему, что молодой полицейский подбивает клинья к любимой дочке.

Слава богу, вовремя одумался, все получилось даже великолепно, словно сам Всевышний сложил невероятный пасьянс, на какой Ренард не смел надеяться в самых смелых мечтах.

В самом деле, руки Эльвиры попросил целый барон! Да что там титул – этот де Безье принят семьей графов Амьенских, владетельный граф лично пожелал быть посаженым отцом на свадьбе!

В первый раз, когда дочь появилась при графском дворе, на нее обрушился залп язвительных колкостей и насмешливых взглядов благородного общества. Целых пятнадцать минут она держалась за локоть жениха, как за спасительный обломок палубы в грозном штормовом море. А потом граф лично выступил перед

собравшимися и очень доходчиво объяснил, что мадемуазель Эльвира – невеста дорогого для него человека, милая, воспитанная и благонравная девушка, для которой всегда открыт его замок. А кто думает иначе – тому не следует впредь в этот замок приходить, пока не образумится. Подействовало моментально.

С тех пор дочь с женихом проводили в графском замке все вечера, что не мешало им днем работать с Ренардом над программой инвестиций в поместье де Безье, просчитывая варианты денежных потоков и оценивая риски. Причем на высочайшем профессиональном уровне.

Все сложилось удачно, кроме одного – Эльвира буквально требовала от отца компенсации Ажану за необоснованные подозрения. Причем оправдания, вроде как они теперь партнеры и папа тратит немалые деньги на борьбу с лесными разбойниками, в расчет не принимались категорически – то служба, а то личное. Да, научил доченьку на свою голову! А жених-то, жених… Нет, в семейные дела не лезет, но попробовал как-то Ренард пожаловаться ему на ситуацию, надеясь на естественную ревность. В ответ получил вежливое, но жесткое: «Ошибки надо исправлять. Особенно допущенные по отношению к друзьям Эльвиры». Точка. Пришлось самому идти, договариваться, не зная, что и наезд дочери и реакция де Безье были заранее срежиссированы Ажаном.

Тот ввязался в серьезную драку, победить в которой можно, только используя все возможности, которые предоставляли опыт и эпоха. Опыта было достаточно, но вот с возможностями была проблема. Не набила еще полиция необходимых шишек, искренне не понимала вещей, элементарных для бывшего чекиста.

В частности, зачем были необходимы безопасное место встреч с агентурой и тайная база наружного наблюдения. И что было делать? Просить руководство? Все равно, что объявить о своих планах прямо на городском рынке, да еще в базарный день. Потому и пришлось выкручивать руки будущему родственнику. Кстати, как по-русски зовется тесть брата? Забыл… Кажется свойственник… ну вот ему и выкрутил.

Наружка разместилась в небольшом приделе конторы. Мало ли что за работники там сидят и чем занимаются – люди любопытные у купцов долго не работают. А уютная квартирка, ранее использовавшаяся Ренардом для встреч приятных, но не афишируемых, получила название «Теплая». И принимал на ней Ажан только проверенную агентуру.

Сегодня на встречу пришел агент Фальстаф.

С того дня, как уважаемый владелец таверны «Перед плахой» начал сотрудничать с полицией, дела его пошли в гору. А как же – полиция в его заведение заходила редко, облавы проводились, но всегда безрезультатно – лихих людишек, на кого собственно и шла охота, хозяин всегда успевал вывести через хитрую дверцу, что располагалась на кухне и была замаскирована под старый шкаф. Тупые полицейские так и не смогли сообразить, куда исчезают люди, которые вот только недавно зашли в заведение. Впрочем, это и естественно – убийцы да воры куда как смышлёней этих служак, ни на что дельное отродясь не способных. Правда, в конце концов, эти рыцари кистеня и отмычки оказывались на скамье подсудимых, но вдоволь нагулявшиеся, уверенные в своей исключительности и не подозревающие, что облавы проводились с единственной целью – подкрепить легенду агента, исправно сообщающего об увиденном и, главное, об услышанном от клиентов. А уж с такой информацией принять их в теплые полицейские объятия где-нибудь подальше от таверны было делом техники.

Так и шла работа к взаимному удовольствию полицейского и агента. До этого дня. В этот же раз Ажан спросил о собраниях посетителей тихих, небедных и респектабельных. И впервые Фальстаф попытался уйти от ответа.

– Ой, ну что вы, господин сержант, какие такие господа? Вы же нашу публику знаете – их только в Зеленом квартале и уважают. А уж чтобы ко мне действительно солидные люди зашли, да еще чтобы дворяне… Нет, иногда молодежь заходит. Для куражу, мол, какие мы храбрые – готовы и на дно заглянуть – никого не боимся. Но такие компании сразу видны, постоянные посетители лишь посмеиваются – красть у них нечего, а связываться с такими, точнее – их родителями, себе дороже. Будет действительно интересно – обчистят за милую душу, а так… Но чтобы, как вы говорите, собрания – нет у меня такого, Всевышним клянусь!

Честное лицо, прямой взгляд, уверенный тон. Ему бы в актеры. Хотя нет, тем платят мало, куда меньше, чем приносят посетители таверны «Перед плахой».

Можно, конечно, кулаком по столу грохнуть, можно и в глаз, но неправильно это. Тоньше надо, деликатнее, что ли… Хотя…

Жан вскочил, схватил Фальстафа за волосы, поднял его голову, заставив смотреть себе в глаза.

– Слушай внимательно, дорогой, – голосом тихим, почти ласковым, – говорю один раз. Как считаешь, я просто так вопрос задал? Нет? Правильно. Я вообще хоть раз тебя просто так спрашивал? Опять нет? Умница! А теперь подумай, что ту компанию ждет? С тобой или без тебя, но попадут они в наши мрачные казематы. И начнут говорить. И тебя, дружище, не забудут. И кем ты тогда станешь? Не знаешь? Соседом ты их станешь, по камере. Они люди непростые, могут и выкрутиться, но за тебя кто вступится? Я? С чего это? Это своих друзей я буду защищать, а раз ты мне врешь – какой ты мне друг? Я, как обещал, о наших делах никому и никогда, но чтобы помогать?! Когда ты мне в глаза лжешь?

Во время этого монолога лицо уважаемого трактирщика уверенно белело.

– Да, кстати, ты же их предупредить можешь! Как, предупредишь?

– Что вы, господин сержант, меня же сразу спросят – откуда я узнал! Я же не самоубийца! – почти прокричал агент.

– Это хорошо, что не самоубийца, – успокаиваясь, сказал Ажан, с видом довольным и уже миролюбивым. – Только спросит-то кто? Кому рассказывать нельзя, осторожный ты мой?

Поняв, что проговорился, Фальстаф еще покочевряжился для порядка, а потом рассказал все очень подробно. К сожалению, информации набралось немного.

Это началось примерно год назад. К трактирщику подошел невзрачный человек среднего роста, обычного сложения, в обычной дорожной одежде. Подошел поздним вечером. В неярком свете свечей определить не то что цвет глаз – цвет волос было нереально. И сказал, что таверна ему нравится, он будет здесь встречаться с друзьями. В отдельном зале, о существовании которого знали лишь несколько человек в городе. Авторитетных. Опасных.

И этот господин был опасен. Трактирщик не трус, но господина испугался до дрожи в коленках. Хотя тот и не угрожал даже – просто сказал, что иногда будет приходить с друзьями. О посещении предупреждал заранее. Как? По-всякому. Иногда мальчишка сообщит, иногда нищий. Подойдут и скажут, что

тогда-то будет нужен зал. И всё. Кому? А он не назывался, и так ясно было.

Кто обслуживал? Да никто – люди приходили, разговаривали, уходили, оставляя после себя весьма достойную оплату, но ничего не заказывали. Ни еды, ни питья.

Как выглядели? Да в сумраке разве разглядишь? Мужчины, женщины, обычно человек по десять. Иногда меньше, иногда больше. Всё. Что теперь? …Всего лишь? Сделаю, господин сержант! Это мне по силам, не подведу.

Глава III

Капральство спит в низинке за грядой. Импровизированный шалаш из нескольких шестов, поверх которых натянута плотная ткань, под телами лапник. Всё. Больше никакой защиты от непогоды. Никакого костра, лишь тепло собственных тел – знатный отдых на природе, как шутит сержант Тома. Как же эта жизнь отличалась от нормальной жизни разведки. Их учили, что, уходя в дальний поиск, надо найти глухое, но сухое удобное для стоянки место, оборудовать землянку, обустроить ее, заготовить сухие дрова, чтобы не обозначать себя дымом, и лишь от этой базы начинать работать. Вышел на точку, выбрал момент, сделал свое дело и опять в тепло, к разогретой на костре пище.

А здесь… Им объяснили, что ловят именно таких разведчиков. Ну, не разведчиков, бандитов, но бандитов опытных, прекрасно подготовленных, раз с ними за четыре года справиться не получилось. Они пойдут мимо, полные сил, знающие лес, который за это время стал для них родным домом. И вот таких бойцов должны взять живыми десять промокших и замерзших солдат, третий день питающихся сухарями и водой.

Одна радость – в мешках имеется потрясающе вкусное и невероятно дорогое лакомство, с недавних пор доступное знати и первым богачам города, – шоколад называется. Как уж командир его достал – тайна для всех, но в таких условиях он незаменим – поднимает настроение, восстанавливает высасываемые непогодой силы.

А на гребне расположились два дозора по двое бойцов. Цель одного – связной. Его надо отследить, брать только в крайнем случае.

Вторая цель – бандиты. Их уже надо взять и только живыми, по возможности – целыми. Почему живыми – понятно, но вот почему целыми? Впрочем, это не их дело. Сказали «надо», значит, надо. А как – тому они обучены, эту науку в них и армейские командиры вколачивали, и полицейский сержант кое-чему научил. Так что все хорошо, если бы не этот проникающий под кожу, выстужающий нутро сырой холод, после которого, кажется, никогда не отогреться.

На рассвете внезапно откинулся полог импровизированного шалаша:

– Здорово, служивые!

Демон, Ажан собственной персоной! Как только он умудрился дойти до них ночью? Глаза у него волчьи, что ли? Все, сейчас начнется…

– Это кому тут так жить надоело, что охранение не выставили? Я чему вас учил? Ну, вернемся на базу, ох, я устрою вам праздник! Где капрал?

– В дозоре, господин полицейский, – в голосе насмешка, мол, раскомандовался тут, понимаешь. Но это и неплохо. Есть силы на насмешки – найдутся и для дела. Главное – солдаты не унывают.

– Ладно, герой, я тебя запомнил. А сейчас подвиньтесь, дайте прилечь, – проворчал Ажан, укладываясь на лапник. – Кстати, в мешке вяленое мясо, подкрепитесь, только про дозорных не забудьте. И, старший, выставить дозор, мы тут не с детьми воюем.

Вот так. Здесь сейчас все решается, здесь и надлежит быть командиру. Если удастся проследить связного из города и взять связных от бандитов – можно себя поздравить. Если нет – придется все начинать сначала. И ничего нельзя сделать. Только терпеливо ждать, надеясь на оставшийся в неведомой дали авось и оперскую удачу, для которой расстояния не важны.

Движуха пошла в полдень. К тайнику подошел человек в длинном темно-коричневом плаще с накинутым капюшоном. Мужчина? Женщина? Подросток?

Не разобрать. Подошел, опустился на колени, вложил что-то в бутылку и тут же ушел. За ним бесшумной тенью скользнули два бойца. Их задача проста – проследить, докуда получится, лишь бы себя не обнаружить, затем бегом на доклад к Тома – он знает, что делать дальше. Отдельная задача – самим не оставить следов. Почему? Надо! Ох, любит Ажан подробные объяснения!

Оставшиеся бойцы вновь слились с лесом, растворились среди прелой листвы и кустарника. Гости появились через пару часов. Те же двое подошли к тайнику, один наклонился к спрятанной бутылке… Они даже не поняли, что произошло. Неизвестная сила сбила с ног, смяла, бросила вниз. Не пошевелиться, не закричать – рты прочно закупорены какими-то тряпками, руки и ноги умело связаны, тела прижаты к земле. Господи, что это?!

А рядом стоят какие-то люди с лицами, укрытыми простыми тряпичными масками. Кто такие? Полиция? Неужели они попались? Такие ловкие, такие удачливые? Страшно! Не может быть! Это же их всегда боялись! Ползали на коленях, лизали сапоги, вымаливая жизнь! Это они привычно и весело отправляли за грань! А сейчас?! Страшно.

– Ну что, орлы, долетались? – спросил один, видимо, главный. – Кто желает принять геройскую, но очень мучительную смерть, может помычать. Молчите? Это хорошо, имеете шанс умереть легко. А если договоримся, то и в живых остаться. Может быть. Делаем так. Один остается здесь, другого тащим за вот эту гряду, потом каждый начинает отвечать на вопросы. Если ответы совпадают – все хорошо. Если нет – вам делают больно, очень больно. И так до тех пор, пока ответы не совпадут.

Самым страшным для пленников оказалось, что неизвестный в маске до слова, до интонации повторил то, что говорил своим пленникам Король. Дальше он начинал пытать. Иногда лично, иногда лишь направляя работу подручных, превращавших людей в мерзкие, отвратительные, но живые куски мяса, которые были готовы на все, умоляя палачей лишь об одном – о скорой избавительной смерти.

– Давайте договоримся сразу, – продолжил Ажан, – если кто скажет, что он мирный крестьянин, вышедший за грибами, тому сразу вырезаем… нет, лучше выжигаем один глаз, думаю – левый. Есть среди вас мирный крестьянин?

Обалдевшие от ужаса пленники дружно замотали головами, мол, нет среди нас крестьян, боже упаси, как можно вообще!

– Вот и хорошо. О, дружок, – обратился Ажан к одному из пленников, – как-то от тебя пахнуть стало неприятно. Так что мы тебя здесь оставим, а приятеля твоего… ой, у него тоже штаны намокли. Ну, ничего, мы не брезгливые. Давайте, парни, его за бугорок, приступим.

Через час полевого допроса, в ходе которого пленникам всего лишь пару раз съездили по почкам, картина сложилась. Ребята, поняв, что попали, пели как соловьи, рассказав все, что знали и о себе, и о банде: дислокация, руководство, личный состав, запасные базы, а также о еще трех маяках, куда им приходилось ходить.

Оказались они действительно крестьянами из глухой деревушки, что расположилась в тридцати километрах от Амьена. Пару лет назад зашла к ним на отдых банда. Лихие разбойники вежливо попросили разрешения у старосты, а когда он отказал – так же вежливо его повесили на ближайшем дереве. Других возражающих не нашлось.

А два брата, посмотрев на вольно прохаживающихся по родной деревне мужчин, явно небедных, легко расстающихся с деньгами, послушав их рассказы об удалых налетах и богатой добыче, решили, что такая жизнь гораздо веселее тяжелого крестьянского труда. И договорились с вожаком, назначившим им минимальную, но для крестьян довольно высокую плату. Это особенно важно было для старшего, уже обзаведшегося и женой, и маленькой дочкой. Но и младший был доволен.

А дальше закружилось – налеты, драки с малочисленной охраной, убийства мужчин и веселые игры с женщинами, которых все равно потом убивали. Хотя оба клялись, что крови женщин на их руках нет, однако по большому счету, какая разница? Смертную казнь, причем не самую легкую, братья заработали совершенно честно.

Мрази, убийцы? Безусловно. Но, как шутил один авторитетный специалист: «В разведке нет отбросов, в разведке есть кадры». К делу, которым занимался Ажан, это тоже относилось.

– Ну, вот что, братишки, – обратился он к пленникам, – выбор у вас небогатый. Ты, – он ткнул пальцем в старшего брата, – будешь работать на меня. Тогда он, – палец указал на младшего, – останется жить. Под охраной. Надежно-о-ой. И твоя семья останется жить. Если нет – я вас обоих прямо здесь закопаю. Живыми. Жена с ребенком сами с голода подохнут. Ну, или что поинтересней с ними произойдет – родственники убитых так мечтают до ваших семей добраться. Могу и поспособствовать восстановлению справедливости. Ну как, согласен?

Согласился, куда деваться. Вот так и появился у Жана первый агент из бандитов, выбравший псевдоним «Жерар». Правда, подписки о сотрудничестве он не писал, ибо неграмотный, но деваться ему уже было некуда.

Оговорили связь, легенду задержки и исчезновения брата – досконально, проверяемо, дали возможность простирнуть изрядно вонявшие штаны, да и отпустили с богом.

– Господин сержант, вы ему верите? – спросил Ажана капрал.

– Боже упаси! Эта скотина предаст при первой возможности. Моя задача – не дать ему этой возможности. А сейчас – в город. Надеюсь, ваш взводный приготовил нам что-то интересное.

Глава IV

Возвратившись в город, Ажан передал пленника начальнику тюрьмы. Только не городской, а личной тюрьмы графа Амьенского, в которой содержались лишь высшие вельможи, набедокурившие на высшем государственном уровне. Держать рядом с такими господами разбойничье быдло, строго говоря, потрясение основ. Потому и посоветовал Ажан коменданту, вспомнив легенду из прошлой жизни, надеть на заключенного железную маску и исключить его общение не только с другими арестантами, но и с охраной. Только с самим комендантом.

Результат не замедлил проявиться – уже через неделю по городу поползли слухи о таинственном узнике. При отсутствии достоверной информации, они

приобретали все более фантастические формы. Апофеозом, на котором в конце концов и сошлось общество, стало убеждение, что узником является незаконнорожденный брат короля Галлии, как две капли воды похожий на его величество.

Ажан над этим слухом посмеялся, а зря. Не прошло и полгода, как узника попытались похитить. Бравые заговорщики были настолько поражены, когда «брат короля», вместо того чтобы обрести свободу, начал отбиваться от освободителей тюремным табуретом, что даже не попытались оказать сопротивление набежавшей охране и покорно отправились в Париж для подробной и обстоятельной беседы с рыцарями клещей и жаровни.

Но это было потом. А сразу после передачи пленника он бегом рванул к сержанту Тома для реализации запланированного оперативно-розыскного кинологического мероприятия. Проще говоря, Тома должен был приготовить розыскную собаку, обязательно кобеля, для отработки следа.

Влетевший в его каморку Ажан буквально замер в обалдении. Вместо готовности к неутомимой работе следопытом красный как рак Тома сидел в обнимку с полупустой бутылкой вина, с трудом сдерживая позывы смеха. После прихода полицейского его прорвало – заржал как боевой конь.

– Сержант, у нас в части что, клоуны выступали? – Жан попытался быть вежливым.

– Стой там, – сержант выставил руку, – очень тебя прошу! Подожди, – он от души приложился к бутылке. – Ох, прости, но давно так не хохотал. Все, проходи, садись, только молчи ради бога, а то… ой, мама… – Тома опять схватил бутылку. – Нет, ну ты скажи, кто… какой… в общем, кто придумал обработать ту тропинку к тайнику сучьей течкой?

– А что случилось? – спросил Жан, внутренне холодея, но еще не представляя масштаба бедствия.

– В общем, так. К тайнику приходила Лили, племянница булочника Буланжера. Теперь представь, девица возвращается в город, и вокруг нее начинают виться все окрестные кобели с мушкетами на изготовку!

– Какими мушкетами? О господи!!! – Жан в ужасе схватился за голову, живо представив себе столь разухабистую картину.

– Вот тебе и господи! – Тома опять прыснул. – Хорошо, у ребят хватило ума выступить в роли благородных защитников. Заодно и познакомились. Кстати, Энрико, ну, ты его знаешь, чернявый такой, договорился о встрече. Ох, и любят его девки, аж завидно! Короче, чем могли – помогли, дальше сам решай. А с песиком своим я туда не пойду – вокруг того дома до сих пор от кобелей тесно.

Однако нам продолжает везти, даже когда мы лажаем, подумал Жан. Изначально идея обработать специфическим ароматизатором тропинку, по которой должен прийти связной, казалась перспективной, активно использовалась в прошлой жизни, правда не им, но ведь использовалась! Может, с этой гадостью чего-то делали? Во всяком случае, она сработала, только не был учтен маленький фактор – количество бездомных собак в Амьене и его окрестностях.

А ведь теперь девице и из дому не выйти, пока запах не выветрится. Интересно, сколько на это уйдет времени? Бог даст, до утра успеется. Тогда нечего высиживать – работать надо. Только вначале подумать.

Итак. Буланжер – личность известная, наследственный булочник, да что там – лучший булочник города. Лили же – племянница, наверняка не наследница, возможно даже приживалка. Что же тебя заставило, девочка, связаться с бандитами? Неужели любимый дядя? Или личные амбиции? Любовь? Вот это вряд ли, иначе не согласилась бы ты на свидание с солдатом – что тебе, побогаче женихов нет? Или…

Да, это свидание создает интересный расклад, богатый на варианты…

Ясным воскресным утром, когда закончилась служба и добрые горожане разошлись по домам, Энрико уверенно подошел к черному входу городской ратуши – месту, где обычно встречались влюбленные. С одной стороны – место приличное, куда добропорядочная девушка может прийти без ущерба для репутации, с другой… рядом тихие улочки, река, по берегам которой растут густые туи, среди которых так удобно укрыться от любопытных глаз… Для поцелуя, не больше! А кто думает иначе – осел, сам никогда не бывавший

молодым, родившийся лысым и с песком в штанах!

Первое свидание… Для лихого солдата, привыкшего к победам в любовных баталиях, оно всегда самое… волнующее, интригующее! Потом все пойдет как обычно, и закончится ожидаемо – усталым взглядом, в котором ясно будет видна тоска и скука. Или слезами, за которыми столь же привычно будет стоять пустота. Но это потом, а сейчас… Девушка согласилась, а значит, тоже ждет. Чего? Сказки? Воплощения наяву снов, после которых так мило розовеют по утрам щеки и блестят глаза? Что же, милая, Энрико готов доказать, что ты не ошиблась в выборе!

Вот она!

Глаза сияют, щеки разрумянились, на губах улыбка, которую не спутать ни с чем – Она увидела Его! И взметнулась юбка, впрочем, не открывая ничего, кроме изящных, может быть специально для него купленных сапожек, как и положено приличной девушке, но ведь взметнулась! Теперь главное – подыграть, показать, как ты счастлив. Да какой там подыграть – пусть не красавица с парадных портретов принцесс и герцогинь, но сейчас… Нет никого прекрасней юной девушки в ожидании любви!

– Лили, как я рад тебя видеть! – порыв навстречу, рука тянется к руке… НО! Вокруг люди, смотрящие себе под ноги, спешащие по своим делам, занятые своими важными мыслями и готовые уже к вечеру на весь город растрезвонить о неподобающе откровенном поведении племянницы известного булочника. Поэтому руки не соприкасаются, молодым людям остаются только взгляды. Но разве этого мало, если в них сияет счастье, которого не было ни у кого никогда от создания мира, которое есть только у этих двоих.

И весь день они ходили по городу, заботясь только об одном – чтобы не соприкоснулись руки, чтобы налетевший ветер не сплел волосы. И говорили. О чем? О себе, о семьях и друзьях… Впрочем, говорил в основном Энрико, твердо знавший, что женщин надо развлекать. Говорить комплименты – безусловно, хвастаться – обязательно – девушки любят героев! А Лили восторженно ахала, ей все было так интересно!

Разведка?! Ой, это как? Это что? О, там самые сильные, самые храбрые? И самые благородные, а как же! Многие видели тех собак, но только вы с другом

бросились на защиту! Как, в разведке и платят больше? Лили девушка не алчная, но интересно же – почему!

И, распустив хвост, как заморская птица павлин, Энрико рассказывал и рассказывал о нелегкой службе, надежных друзьях и умелых командирах, которые, между прочим, выделяют его из числа прочих героев.

А Лили слушала с замиранием сердца и сама не замечала, как плотнее прижимается к своему спутнику. Впрочем, иногда ей удавалось опомниться, отодвинуться на приличествующее расстояние, но потом молодость и восторг брали свое, и ее вновь тянуло к этому красивому и романтичному солдату.

Глядя на них, солидные семейные пары, что иногда встречались на пути, по-доброму усмехались и крепче сжимали руки, вспоминая себя молодыми и такими же счастливыми.

Не удержался и Жан. Со скучающим видом прошел мимо, полюбовался, позавидовал, пожалел.

Вечером же Лили пришла на другую встречу. Привычно отбив покушения элегантного сеньора на девственность и не менее привычно оказав ему иные услуги, от которых тянуло блевать… впрочем, в первый раз этим и закончилось, но мы сейчас о другом…

– Итак, красавица, – перешел к делу сеньор, – кто твой новый кавалер и какой нам от него толк? Ладно, ладно, выпей вина, можешь не торопиться. Но все же не забывай – дело прежде всего.

– Хорошо бы, если б дело, – ответила Лили, брезгливо прополоскав рот и выплюнув вино.

Они беседовали… ну, назовем это беседой, в обшарпанной комнате на втором этаже старого, но еще крепкого дома, что расположился недалеко от городского рынка. Такие комнаты снимали на ночь – караванщики, пережидающие, когда купцы сбудут привезенный товар, и небогатые и не слишком нравственные пары.

– Вот только не начинай, – дворянин устало вздохнул. Прошло полгода, как ему передали на связь эту девку. Вот интересно было бы взглянуть на того болвана, что ее вербовал – позволил считать себя чуть ли не благородной. Куда уж там, мол, для мужа себя берегу, на это не согласна, то не для меня, ищите для ваших дел кого другого. Пришлось обламывать. Пусть не до конца, но и недотрогу из себя уже не корчит, вон даже ухажера из солдат себе нашла. Как-никак, а задание выполнила. Но еще не сдалась, что-то в ней сидит такое, для дела не нужное.

Казалось бы, должна была привыкнуть, да и привыкла наверняка. Возможно так, для проформы куражится, вроде как свою гордость охраняет? Только деваться ей некуда – любимый дядя в любой момент выгнать готов, а уж шансов оторвать от наследства хоть маленький кусочек – их и не было никогда. На этом ее и подцепили – показали возможность забрать себе все дело.

А что для этого нужно? Пустяк! Всего лишь, чтобы город перешел под власть кастильской короны. Так что, милая, делай, что говорят, получай за это неплохое, кстати, вознаграждение и верь в свое светлое будущее. Между прочим, не без оснований.

– Так что за личность? Что герой и красавец – понятно, но хотелось бы поподробнее.

– Солдат амьенского полка, служит в роте разведки, – как всегда Лили докладывала не торопясь, используя краткие и четкие формулировки. – Буквально вчера назначен ординарцем командира роты. Возможно, и врет, но вряд ли – слишком уж гордился, только что щеки не раздувал от собственной значимости. А так простой парень, не блещет умом, но и не круглый дурак. Обходительный. В меня, похоже, влюбился по уши.

– Это хорошо, – дворянин развалился в кресле, в задумчивости потирая лицо. – Ординарец командира разведчиков – это просто отлично! Теперь нам только не поспешить, не напугать, но заинтересовать. Я – деньгами, только это потом. Сначала ты, – он бросил на Лили твердый, жесткий взгляд, – собой.

– Что?! – девушка вспыхнула от возмущения. – Я вам что, шлюха?! Не будет этого никогда! Мне деньги на приданое нужны, я семью хочу, мужа. И ваш солдатик для этого не годится. Так что придумайте что другое, если он вам так нужен.

Собеседник мысленно усмехнулся. Ох, разошлась девчонка! За такой бунт можно, конечно, и по морде съездить. Стерпит, никуда не денется. С другой стороны – зачем? Можно, однако, и по-другому.

– Да ладно, ладно, чего разошлась? Я и не предлагал его в постель тащить. Но глазками пострелять, поулыбаться, пококетничать – не убудет же. Главное – чтобы ты в него не влюбилась. А вот для этого есть хор-р-рошее средство. Иди сюда, красавица, объясню подробности, – с ухмылкой сказал дворянин, расстегивая ремень.

Наружное наблюдение зафиксировало посещение объектом «Малышка» неизвестной квартиры, но с кем именно была встреча, установить не удалось.

Глава V

Виконт де Романтен готовился к докладу и злился. Нет, вот как такое возможно – начальник готовится к докладу подчиненных? Так вообще бывает? Его дело – выслушать, милостиво похвалить или жестко отругать. В крайнем случае – принять руководящее решение, причем достаточно очевидное.

Так было всегда, но так перестало быть. С того самого дня, как в полицию был принят новый сотрудник.

Вначале он на глазах у всего города уличил в продажности полицейского. Да, сволочь, о которой де Романтен знал, но ничего не мог сделать, а этот, ну просто как фокусник в цирке, даже представление умудрился устроить. Да такое, что о нем до сих пор по городу легенды ходят, хорошо – балладу не сочинили.

Пришлось выкручиваться перед его сиятельством, мол, все знали, но надо было доказать, все было продумано и учтено, причем лично им, интендантом Амьена. Удалось. Награда была впечатляющей. Только все равно было что-то не так – слишком лукавыми были глаза графа в том разговоре.

Потом Ажан поймал убийцу босяка из Зеленого квартала. Хорошо! Но сразу за этим – убийство преступника, совершенное лейтенантом полиции, причем

простолюдином, чье назначение на офицерскую должность пробивал лично де Романтен! И тут же – самоубийство того лейтенанта. Ох, сколько интересного пришлось тогда выслушать! Хорошо, что не от графа – тот как раз отреагировал неожиданно спокойно, но уж его свита покуражилась во все свое удовольствие! Особенно старался маг, господин Морель, сволочь. Обычно граф к нему прислушивается, слава богу, не в тот раз. И опять зародилось у де Романтена подозрение, что все прошло гладко потому, что делами этими занимался Ажан.

А уж когда удалось прижать мамашу Шантерель да вытащить из тюрьмы полицейского, попавшего под провокацию кастильской разведки… Тут уж только круглый идиот не понял бы, что его сиятельство следит за карьерой Ажана. Да. Потому и не раздумывал господин интендант, кому поручить работу, которую Морель подсуропил.

И за что, спрашивается, эта гнида в зеленом плаще невзлюбила полицию? Ведь такого триумфа, как в тот раз, когда с его помощью продажного полицейского разоблачили, в городе ни один театр, ни один цирк не знал! Народ его до графского дворца на руках нес! А вот поди ж ты, с того самого дня смотрит на де Романтена волком и гадости делает при любой возможности…

Ну да ладно, это все прошлое. Причем, несмотря ни на что, удачное прошлое. А сейчас? Да вообще непонятно что происходит. Вначале разведчики нашли разбойничий тайник. Молодцы. Потом к тайнику некая девица принесла записку. Казалось бы, хватай ее, тащи к палачу, потом спокойно бери всех, на кого она укажет, и получай заслуженную награду.

Потом к тому же тайнику приходят бандиты. И их даже ловят! Но одного отпускают, а второго сажают в личную тюрьму графа! Да так, что уже сейчас по городу ходят жуткие слухи, один страшнее другого.

Одно радует – его сиятельство доклады выслушивает благосклонно. Но долго ли такое продлится? Неизвестно, а значит, на самотек это дело пускать нельзя. Потому и готовился господин интендант к докладу подчиненного, вспоминая, перечитывая официальные докладные Ажана и приватные его начальника, майора Гурвиля.

– Разрешите, ваша милость, – подчеркнуто вежливо вошел Гурвиль.

– Входите, уважаемые, – столь же официально ответил де Романтен. – Присаживайтесь. Какие новости?

– События развиваются активно. Как вы знаете, нам удалось установить одну из разбойничьих шаек и даже приобрести в ней своего человека, мы между собой называем его Жерар, – начал доклад Гурвиль. – Известно место ее дислокации и численность. В то же время наш человек сообщает, что в районе города действует еще не менее четырех таких банд. Причем, что самое интересное, все банды находятся под единым управлением. На сегодня мы знаем только кличку этого командира – Король. Он появляется в бандах только перед крупными мероприятиями. Связь держит только с главарями, но иногда общается и с рядовыми разбойниками. Приходилось с ним разговаривать и Жерару.

– Король? – задумчиво спросил интендант. – Однако скромностью этот господин не страдает. Что о нем известно? Дворянин? Наверняка умелый боец, если держит в кулаке этих скотов. Есть какие-то приметы?

– Увы, – Гурвиль развел руками, – больше не известно ничего. Особых примет нет, никто из знакомых Жерара ни разу не видел его не то что в бою – в обычной драке. Приходит, задает вопросы, ставит задачи главарям, уходит. Всё. В банде люди лихие, однако на Короля они лишний раз посмотреть боятся, не то что возразить. Думаю, он и есть наша главная цель.

– Наша цель – ликвидация разбойников и обеспечение безопасной торговли! Хочу, чтобы вы поняли это ясно и буквально! – де Романтен хлопнул ладонью по столу. – Вашим Королем можете заниматься потом. Вначале – ликвидация банд. Засада в караване готова?

– Разумеется, ваша милость. Но прошу выслушать сержанта Ажана.

– Что у тебя? – с недовольным видом спросил де Романтен, внутренне холодея. Как чувствовал, что сейчас ему предложат очередную авантюру, в которую, куда деваться, придется влезать.

– Господин интендант! – начал Ажан, нацепив маску рьяного служаки.

Однако де Романтен лишь устало махнул рукой:

– Будет тебе паясничать, сержант, не в цирке. Говори нормально – от принятых сейчас решений судьба города зависит. Я слушаю.

И дальше Ажан предложил отправить караван под гласной охраной полка. Причем отложив отъезд лишь на день, чтобы у агентуры бандитов было минимум, но достаточно времени предупредить своих хозяев. Цель – обезопасить Жерара и выявить другие каналы связи противника.

Утечку организовать через уже установленный канал связи бандитов, чем заодно повысить интерес к «Сироте» – под этим скромным псевдонимом фигурировал блестящий Энрико. Так под прикрытием влюбленности юных сердец началась игра, не обещавшая счастья победителям, но гарантировавшая проигравшим смерть.

– Сержант, не проще ли схватить эту девицу… как вы там ее называете… Малышка? Так вот, взять эту Малышку, потом ее сообщников, разгромить банду и на этом успокоиться? Есть же у полиции другие дела, в конце концов.

– Разумеется, проще. И в другом случае я именно это бы и предложил. Но не сейчас. Боюсь, пока в деле Король, мы можем хватать кого угодно, громить кого угодно – проблемы все равно не решим. Вспомните, четыре года назад одна из банд уже была разгромлена, и что? Стало только хуже. Против нас играет кто-то очень грамотный, умеющий жертвовать для достижения цели. Впрочем, я готов выполнить ваш приказ! – Ажан вскочил и вытянулся по-армейски.

– Делайте, как считаете нужным, господа. И, сержант, – де Романтен усмехнулся, – впредь в таком кругу говори спокойно. Мы здесь одно дело делаем и интересы у нас общие. Справимся – все героями будем. Нет – всем на орехи достанется. Так что считай, что мы партнеры. Хотя и начальники тоже, но это уже больше для публики. Все, свободны, – виконт встал, показывая, что разговор окончен.

Оставшись один, грустно усмехнулся. Счастливые, занимаются любимым делом, им это даже нравится – вон у Ажана как глаза блестели! Словно у охотника, увидевшего дичь! Попробовали бы они все вот это доложить графу. Объяснить, что потраченных денег недостаточно, надо еще. На сопровождение каравана, на содержание пяти полицейских, которые непонятно чем занимаются, на новую экипировку разведчиков, ибо стараниями того же Ажана она не выдерживала

более пары недель.

И все это, когда враг, вот он, только руку протяни! Но вдруг оказывается, что трогать его нельзя, ибо рано. Поймет это граф? Должен. Как должен и интендант доказать, убедить. Вот где мастерство, вот где интрига! Что же, не впервой. Надо лишь подготовиться…

Глава VI

– Ваша милость, срочно! – Лилиан прошептала в едва приоткрытую дверь.

– Демон! Ведь говорил же, что ко мне приходить в самом крайнем случае! Ладно, заходи, и сразу на кухню, – вельможа указал на дверь. – Сиди тихо, как мышка. У меня гости, выпровожу – поговорим.

Гостями были два брата – юные сыновья городского судьи. В этот вечер с ними планировалась легкая пьянка и грандиозный загул в лучшем борделе города. Естественно, не за их счет. Пришлось сослаться на, извините, понос, дать денег на выпивку и предложить дождаться в дорогой таверне для продолжения вечера. Детки были нужны – через них можно было ненавязчиво, но плотно сойтись с их папашей.

Как только за гостями закрылась дверь, раздраженный вельможа вошел на кухню к Лили.

– Слушаю.

– Только что получила записку от Энрико. Он пишет, что завтра прийти не сможет – их направляют на сопровождение каравана. Выход послезавтра на рассвете. Вы же сами говорили, что караван сейчас – самое главное. Я и подумала, что, если его будут сопровождать военные, вы должны об этом срочно узнать, – немного растерянно ответила девушка и передала записку.

– А он ничего, твой кавалер, даже грамотный. Такого упускать нельзя. Кстати, ты молодец, что сохранила записку – в будущем разговоре она мне ой как

понадобится… И сюда пришла все же правильно. Завтра уже было бы поздно, наши друзья могли на эту охрану нарваться. Ох, кто-то у графа, кажется, думать научился. Но ничего, мы ему думалку-то укоротим. А пока надо предупредить. Подожди, я быстро.

Через полчаса он передал записку, которую завтра в условленное время надо отнести в тайник. А перед этим обеспечить, чтобы из печей господина Буланжера, где пеклись знаменитые на весь Амьен булки, валил черный дым.

– Слушай, красавица, – спросил вельможа, когда Лили уже собиралась уходить, – мне интересно, как ты не боишься одна в лес ходить? Так за свою честь переживаешь, а в лесу, сама знаешь, всякий народ ходит. Вдруг не отобьешься?

– А вы не переживайте – чтобы со мной в лесу что-то сделать, меня там найти надо. Я же в глуши выросла, родители с детства к лесу приучали. По нему как призрак иду – сама всех вижу, а меня – никто. Так что не волнуйтесь – завтра все сделаю как надо.

Утром Ажан принимал доклад от наружного наблюдения.

– Так что, господин сержант, как, значит, в 17.21 к Малышке пришел солдатик… нет, нам не известный… но, как вы приказывали, мы за ним не ходили… так это… девица через шестнадцать минут, в 17.37, она из дому-то и побежала, да шустро так. Но проверялась – оглядывалась, а то вроде как присядет, башмачок там поправить, а сама назад так и зыркает. И бежала не прямо – поплутала по улицам-то. Вот, я на картинке все нарисовал, – сообщил полицейский, передав довольно грамотно нарисованный план с маршрутом Лили.

– Не на картинке, а на схеме. А так – молодцы. Что дальше?

– Ну, пришла она, стало быть, вот в этот адрес, – полицейский с откровенным удовольствием произнес «в этот адрес» вместо привычного «в этот дом». Ему явно нравились мудреные слова, к которым с некоторых пор их стал приучать командир. – Как вы и приказывали, владельца мы не устанавливали, – и это слово он произнес со вкусом, словно смакуя. – Только что там устанавливать, весь город знает, что там живет барон де Спирак, первый в городе скандалист и бабник. Причем скандалит только с чернью, а баб по борделям собирает.

Сколько уж раз мы его оттуда забирали… Но всегда за него кто-то заступался, вытаскивал из неприятностей. Да уж, много у него друзей, что есть, то есть.

– Не отвлекайся, ближе к делу, – поправил Ажан увлекшегося докладчика.

– А, ну да, значит, как Малышка-то к нему пришла, в 18.07. Минут через девять, в 18.16, из адреса вышли двое молодых людей, мы их Братья назвали. Брат-один, стало быть, и Брат-два. Почему «Братья»? Так они братья и есть – сыновья господина городского судьи, что мы их, не знаем что ли? Господин судья их в строгости держит, денег на гулянки не дает, а тут они в таверну «Жареный каплун» закатились, а она ой как недешевая… Только это мы уже потом узнали – некому было по ним работать.

Вот, а Малышка в 18.49 из адреса вышла и сразу домой. Теперь уже спокойно шла, не проверялась. И по короткой дороге. А господин де Спирак, ну, то есть мы-то его, как и положено, назвали Франтом, он в 18.52 вышел, взял извозчика на всю ночь. Но мы за ним уже не работали. А чего за ним бегать, если извозчиком он взял нашего Жиля? Тот утром и доложил, что сперва они в «Жареный каплун» поехали, потом по борделям – вот список, а потом отвезли домой Братьев и уже после – Франта. Сейчас Жиль отсыпается, а двое наших по Малышке работают.

– Молодцы. Теперь так – отследить, пойдет ли из труб булочника сегодня черный дым. Просто зафиксировать – когда и как долго. Далее – если Малышка выйдет из города и пойдет в сторону Кале – наблюдение снять и выставиться за Франтом. Работать на грани, главное – не засветиться. Этот вам не Малышка, с этим, боюсь, шутки плохи.

Утром, когда рассвело, Лили, как обычно, зашла проверить истопников. И так же привычно, улучив удобный момент, бросила в одну из топок кулек с порошком, от которого дым окрасился в густой, черный, словно из преисподней, цвет.

Затем, отпросившись у дяди на рынок, пошла к городским воротам. По дороге оглядывалась, как ее научили, но ничего подозрительного не заметила. Вокруг были обычные люди, каждый из которых шел по своим делам.

Никто на нее не смотрел, никто не прятался от ее взгляда и не пытался бежать, когда она прибавляла шаг или резко сворачивала в подворотни. Один раз обратила внимание, что, когда повернула, какой-то ремесленник сдвинул вбок шапку. Но не поняла, что тот показал своим, в какую сторону пошла Малышка. И уже те, зная город, успели обежать квартал, чтобы встретить девушку не торопясь и ничем не выделяясь из толпы.

За городом они и вовсе отстали, сосредоточив свое внимание на новом объекте под рабочим псевдонимом Франт.

Так что Лили, как всегда, спокойно заложила шифровку де Спирака в тайник и также спокойно ушла домой, не заметив внимательно наблюдавших за ней глаз. Потом к тайнику подошел разведчик амьенского полка, переписал шифровку и вернул на место. А еще через час шифровку извлек агент Жерар и, согласно отработанной легенде, передал ее главарю шайки.

В результате нападение бандитов на караван было отменено как неоправданно рискованное, доверие бандитов к Жерару, поколебавшееся после исчезновения брата, было восстановлено. А у полиции появилась возможность работать спокойно, без суеты, благо до начала торгового сезона, когда высохнут дороги, оставалось не менее месяца.

А работать было с чем. В день, когда из печей мэтра Буланжера поднялся черный дым, над городом взлетела стая голубей. Совпадение? Но почему она, как и в прошлый раз, взлетела точно в десять часов? В другие дни голубей выпускали в иное время.

Глава VII

Воскресенье! День, посвященный молитве и семье. Или семье и молитве? Или просто семье. Когда она есть. Любимая жена, дети, родители. Все те, кто держит человека в этом мире. Кто дает смысл и цель жизни.

А когда у тебя только сын, да и тот не знает, что ты его отец? Мальчишка обожает с тобой играть, но ему лишь три года, много ли у вас общих тем для

разговора? И что остается?

Так что это проклятое воскресенье превращается в пытку, когда остро понимаешь свое одиночество и с завистью смотришь на добропорядочные пары, степенно гуляющие по широким мощеным улицам. Вспоминаешь жену, дочерей и вечную суету выходных – дача, магазины, нескончаемые ремонты… Тогда казалось высшим блаженством просто посидеть дома, никуда не торопиться, просто отдыхать. Как говорят итальянцы – dolce far niente[1 - Dolce far niente (итал.) – прекрасное ничегонеделание.]. Сбылось. Получил. Доволен?

С такими «веселыми» мыслями Жан лежал на кровати, тоскливо думая, как убить наступающий день. И в этом потоке пессимизма виделся лишь один выход. Сомнительный, но других-то вообще не было. Николь. Она же Колетт, она же Николетта… Она же им самим разоблаченный агент кастильской разведки, которая сейчас верно служит мадам де Бомон графине Амьенской, жене опять им же разоблаченного кастильского шпиона… В общем ситуация сложилась головоломная, в лучших традициях дешевых водевилей. Ах да, по законам того же жанра девушка его узнала и влюбилась! Скорее, правда, разыгрывает влюбленность, но и такой ход каноны допускают. В сюжете не хватает песен и танцев… Но и этот недостаток легко компенсировать в любом трактире. А что, это мысль! Только трактир должен быть не любой, а приличный, где выпивка и веселье не перерастут в безудержную пьянку со всеобщим мордобоем.

Николь говорила, что сегодня будет сопровождать госпожу в храм. Что же, служба закончится не ранее чем через пару часов – есть время привести себя в порядок!

Встать, привычно быстро и четко заправить кровать. Размяться: растяжка, сотня приседаний, полсотни отжиманий, фланкировка с двумя саблями – достаточно. Полноценной тренировки не будет, выходной все-таки.

В душ бы, да где ж его взять? Таз с водой для бритья, где заодно можно вымыть голову, протереться мокрым полотенцем, потом сухим. Гигиена, блин, просвещённая Европа.

Хорошо хоть слуги каждый день приносят свежее белье. Удивляются привередливости постояльца, ворчат, но кого их мнение интересует? Марта сказала, значит всё. А почему – не их дело, всяк по-своему с ума сходит.

Всё, готов охмурять милых дам! Если б еще не изуродованная рожа… хотя лошади не шарахаются, а там посмотрим!

В душный, заполненный самой разнообразной публикой, от нищих до дворян, храм Ажан вошел за полчаса до конца службы. Ставший привычным, но все еще неприятный тяжелый запах толпы, где каждый мылся лишь по предписанию докторов, предварительно использовав клизму.

Впрочем, ожидая встречи с прекрасной дамой, следует ли вспоминать такие неаппетитные подробности. Лучше поищем ее. Так, графине в толпе делать нечего, смотрим внимательно, есть! Рядом с алтарем сделан балкон, где расположился граф, его сын, молодая графиня и… ой, мама… младшенький! Филипп! Однокашник по Военной академии Бретони, человек, считающий тебя покойником. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он узнал правду. А ведь Филипп разведчик, его шрамом на морде не обманешь. Человека, с которым бок о бок прослужил два года, он узнает по фигуре, по походке, по жесту, в конце концов!

Да, но ведь именно Филипп в свое время пал жертвой прекрасной Колетт. Интересно, как они общаются сейчас? Или никак не общаются? Нет, Николь в ложе. Неужели от бывшего любовника прячется? Вероятно. Но тогда идея веселого воскресенья накрылась медным тазом. С грохотом. Хотя… знакомый запах!

Жан резко обернулся и буквально нос к носу столкнулся с Николь. Сияющие глаза, легкий кивок, приглашающий к выходу, и пошел, как собачка на веревочке. Ну вот как это у женщин получается? Секрет, наверное, какой знают.

На выходе из церкви Николь по-хозяйски, как законную добычу, взяла Жана под руку и быстро повела в сторону от графского замка. При этом девушка трещала, как диктор с телевидения, – громко, быстро и ни о чем. Точнее, были переданы все городские сплетни и слухи. Однако ни слова об обитателях замка, тем более о графской семье сказано не было. Достойно! Завалить кавалера водопадом слов и не сказать того, чего ему знать не следует.

– Однако здорово, что ты меня нашла! Я уже испугался, что мы не увидимся – около графини тебя не было, – Жан с трудом нашел лазейку в монологе Николь.

– Получила выходной на весь день! – чуть запнувшись, ответила девушка. – И, кстати, еще на два дня, ты рад?

– Увы, как раз наоборот, – с тяжким вздохом ответил Жан. – Меня три дня не будет в городе, служба. А кто там стоял, рядом с графиней? Молодой такой? Я его раньше никогда не видел. Не кавалер ее?

– Ее сиятельство – женщина добропорядочная. – Ого! В голосе даже металл появился! Так о хозяевах говорят только действительно преданные слуги. Откуда же взялась эта преданность? Очень интересно.

– Это молодой граф, младший сын его сиятельства, – продолжила Николь. – Он служит в Абвиле, здесь появляется редко. Ну вот вчера приехал, на пару дней.

Ну и хорошо. Мысль уйти в поиск с разведчиками пришла к Жану сразу, как увидел Филиппа. Конечно, маловероятно, чтобы молодой граф решил навестить полицию, но вот заинтересоваться подготовкой приданного ей взвода разведчиков мог наверняка. А там и пожелать познакомиться с разработчиком методики. Нафиг! Пусть Гурвиль отдувается, у него зарплата больше. А мы подальше от начальства. Кухни, правда, там тоже не будет, но это уже мелочи. Что же, поработаем в лесу. Завтра. А пока рядом красивая девушка, получим удовольствие от жизни!

Однако, господин полковник, внутренне усмехнувшись, подумал Жан, вы совершенно разучились ухаживать. Рядом красавица, которую надо как-то завлечь, чем-то увлечь, и что? Есть какие светлые мысли? Ну, кроме классического – в кабак и в койку. За такой сценарий можно и по морде получить.

И неожиданно для себя услышал:

– А пошли в трактир! Я голодная… Пока народ не перепился и не передрался – есть возможность потанцевать! Жан, ты любишь танцевать?

А как же?! Придворные танцы, рок-н-рол. Или родную камаринскую! Легко! – внутренне усмехнулся Жан. А вслух ответил:

– Увы, красавица, плохой из меня кавалер. Любой трактир, любой стол к твоим услугам, но вот танцы… Когда в нашей деревне ребята только начали на посиделки ходить, я в армию отправился, а там не до танцев было. Так что извини, но если только танец медведя на потеху народу.

– Ерунда, я научу! Вперед! – И Николь, крепко взяв Ажана под руку, направилась в ближайшую таверну.

В полумраке большого зала, который уже начал заполняться посетителями, они заняли столик около окна и заказали каплуна и вино. У большого жаркого камина почти сразу после их прихода расположился небольшой оркестр – две гитары и скрипка. Негромкий гомон, медленная красивая мелодия прекрасно подходили к разговорам молодых людей. Фантазии, поданные как сокровенные воспоминания, мечты, которые никогда не осуществятся, намеки, ничего не обещающие, но будоражащие молодую кровь. Обычный разговор юноши и девушки, которые заинтересовали друг друга, но еще не решили, насколько серьезно.

В какой-то момент Жану потребовалось ненадолго выйти, а когда вернулся, обстановка в зале оживилась. Музыканты заиграли что-то быстрое и веселое, начались танцы! Николь заставила выпить бокал вина – для храбрости и потащила своего кавалера в центр, где уже лихо отплясывали пары.

Оказалось, в танцах нет ничего сложного – знай себе кружи партнершу, лишь бы окружающих не задеть! А партнерша… Боже, какая она красавица! Лучшая девушка на свете! Какая улыбка, какие глаза, как она пахнет! Самый близкий, самый родной на свете человек!

Ой, только почему-то стали заплетаться ноги. Но рядом же Николь! Вот она подставляет плечо, что-то говорит, куда-то ведет. Ну куда она может вести? Только к счастью! Она даже не заплатила, но это такие мелочи. Конечно, ни один трактирщик даже не подумает брать с нее денег, вон как мило он улыбается!

Интересно, куда мы идем? Ба, да это же «Прекрасная Марта»! Умница моя, она знает, где я живу! И даже ведет не через зал, а через черный вход. Вот сейчас придем в мою комнату и будем самыми счастливыми влюбленными на свете!

Любимая, тебе нужен ключ? Конечно, вот он. Так, да, меня на кровать, сейчас я разденусь… странно, руки не слушаются… Сейчас я тебя позову… не получается, язык меня тоже не слушается… И вообще я не могу пошевелиться… Но это ерунда! Любовь моя, ты только скажи, я все сделаю, все расскажу, от тебя нет тайн!

Спрашиваешь, кто я? Сейчас, только язык начнет шевелиться, и ты узнаешь и про Россию, и про Москву, и про Безье! Нет от тебя тайн! Сейчас, сейчас!

Бах! Дверь комнаты с треском открывается, на пороге Марта и Гурвиль. Такие милые, такие родные. А почему вы ругаетесь? Не надо драться!

Марта с Гурвилем спускались в зал, когда увидели, как какая-то смазливая девица только что не на плечах затаскивала Жана, освещающего коридор блаженной улыбкой законченного идиота, в его комнату. Не бывало такого никогда! Чтобы напиться до невозможности стоять на ногах, до потери рассудка, да еще с утра? Такого даже представить невозможно! И кто это с ним? Дверь открывает по-хозяйски, ведет себя уверенно, словно всю жизнь в этой таверне прожила.

Марта прижалась к закрывшейся двери, прислушалась.

– Расскажи о себе. Где и когда родился, кто твои родители, какая у тебя семья? – женский голос звучал четко и строго.

Вот тварь! Сейчас же этот пьяный телок ей все расскажет и о себе, и о Марте, и о Леоне! Ну, нет!

Марта ворвалась в комнату и крепким кулаком опытной лучницы въехала девице в живот, сбив дыхание, заставив скрючиться на полу и открытым ртом хватать воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Совершенно обалдевший Гурвиль смотрел на эту женскую разборку расширенными глазами и думал только об одном – не дай бог попасться под горячую руку даме своего сердца!

Когда Николь смогла говорить, Марта намотала ее роскошные волосы на кулак, задрала ее голову с риском сломать шею и после пары оплеух, впрочем, пока не опасных для жизни несчастной авантюристки, спросила:

– Чем ты его напоила?

– Эликсиром принцев.

Ответ ничего не объяснил Марте, но, видимо, многое сказал Гурвилю. Тот рванулся к Николь, засунул ей в рот первую попавшуюся тряпку и сорванной с кровати простыней намертво привязал к стулу. Затем вывел Марту в коридор.

– Ты чего, с ума сошла? На людей бросаешься. Что случилось вообще?

– Дорогой, клянусь, я все тебе объясню, но позже, когда Жан придет в себя. Поверь, между нами не будет никаких тайн. Если ты, конечно, не откажешься от своего предложения. Не откажешься? – Марта неожиданно доверчиво и робко посмотрела ему в глаза.

– Никогда и ни за что. Но что здесь происходит?

– Об этом потом, – голос женщины вновь стал жестким, – вначале – что такое эликсир принцев?

– Очень редкая жидкость. И очень дорогая – один грамм стоит десяти килограммов золота, его только к принцам применяют. Если человек ее выпьет, он расскажет все свои тайны, расскажет вообще все, что знает – никакие пытки не нужны. Самое интересное – о том, что рассказал о себе все, он помнить забудет. Останется в уверенности, что по-прежнему хранит свои секреты. Сейчас у Жана восстановится речь, и он начнет исповедоваться. А теперь подумай – кто и почему дал такую ценность этой девице, да еще чтобы та использовала его на простом сержанте полиции. Ты представляешь, кто и насколько ей должен доверять? И какие тайны хранит твой родственник, если за них такую цену готовы платить? Он что, претендент на галльский трон? Иначе почему его не хватают и не допрашивают обычным порядком?

– Вот что, любимый, ты пока посиди в зале, поешь, отдохни, подожди, пока с Жана дурман сойдет. А я тем временем со своей новой подружкой побеседую.

Спровадив Гурвиля, Марта вызвала из зала менестреля и приказала спеть посетителям три баллады о Черном Бароне, которые были безумно популярны пару лет назад.

Потом, прихватив веревку, вернулась в комнату Жана. Тот начал помаленьку приходить в себя, пытался уже что-то сказать. Пришлось заткнуть рот и ему.

Николь же почти удалось освободить руки, но, к ее сожалению, только почти – отработанными ухватками опытной наемницы она была связана надежно.

– Ну, вот что, подруга… – от того, как это было сказано, у девушки побежали мурашки по спине. – Сейчас мы подождем, когда закончится действие твоего яда. Если все пойдет хорошо, с тобой поговорит Жан, как сочтет нужным. Если с ним что-то случится, я разрезаю тебя на куски, укладываю в баки, они за дверью стоят, и скармливаю свиньям, чтобы никаких следов не осталось. Договорились?

Напуганная до паники Николь пыталась что-то сказать, но безуспешно – кляп не позволил.

Действие эликсира закончилось через три часа. Взгляд Жана стал осмысленным, а когда появилась возможность говорить, он выдал заковыристую тираду, однозначно подтвердившую – проблема решилась. Эта. Осталось понять, что делать с той, другой, привязанной к стулу.

– Что это было?

И после того, как Марта разъяснила ситуацию…

– Сестренка, оставь нас. Пожалуйста. А теперь, дорогая, еще раз вопрос – что это было? – И не было в голосе прежней теплоты. Николетта знала этот тон – так спрашивал когда-то Крис, так спрашивал граф, так однажды спрашивал Черный Барон. И ответ прозвучал сам, пока воля не взяла под контроль мысли, пока страх был впереди разума.

– Эликсир принцев – то, что заставляет говорить правду.

– Что хотела узнать?

– Кто ты?

Зачем? Впрочем, вслух этот вопрос не прозвучал. И так все довольно ясно. Зелье стоит бешеных денег. Палач дешевле, а результат, в сущности, тот же. Но кто-то предпочел потратиться и, главное, имеет такую возможность. И тут уже выбор небогатый.

Кастильцы? Вот уж действительно – зачем?

Остается один вариант.

– Граф?

В ответ Николь лишь утвердительно кивнула.

«Очень интересно, полковник, – подумал Жан, – где же вы умудрились проколоться? И ведь не спросишь у сеньора, мол, где это я наследил? С другой стороны, ясно, что девушка если и узнала, то уверенности в этом у нее нет. Что же, остается заняться знакомым делом – разрулить ситуацию ко всеобщему удовольствию. Попробуем?»

– Марта!

Она вошла мгновенно, видимо, ждала под дверью.

– Марта, будь добра, проводи девушку к графскому замку, чтобы с ней чего плохого на улице не произошло – темно все-таки, ночь на дворе…

– Нет! Жан, дорогой! – От этого слова Ажан скривился – тоже нашла дорогого, только что не отравила, подруга, прости господи. Впрочем, Николь тут же поправилась: – Жан, умоляю, не надо в замок, нельзя мне сейчас туда, пожалуйста!

Разумеется, нельзя, там сейчас граф Филипп, и ваша встреча, мягко говоря, нежелательна.

– Хочешь сказать, что готова ночевать со мной?

Оказалось, да, именно это и планировалось. Но, к сожалению, не так, как Жан размечтался – после зелья принцев мужчина три дня мужчина, но не полностью. В смысле – не на все способен. Так что красавица планировала разыграть вначале любовь, потом разочарование, а уж дальнейшую судьбу неудачника определил бы владетельный граф. В зависимости от сказанного бедолагой. В любом случае продолжение знакомства в планы этой интриганки не входило даже близко.

Единственное, что радовало – о встрече Жана с молодой графиней Николь не докладывала – не решилась встревать в семейные дела. С ее слов, конечно, но тут уже как повезет.

– Марта, будь добра, обеспечь гостью ночлегом на пару дней. А ты, дорогая, готовься объяснить его сиятельству, куда десять кило золота дела. Впрочем, это уже не мои дела.

И тут девушку проняло. Жестко, всерьез. За такой прокол спросят. И это после давней истории с графским сыном! Пришлось успокоить, пообещать спасти, помочь, вытащить из западни. Как? Просто. Надо рассказать ему историю простого деревенского олуха, по счастливой случайности имевшего прекрасных учителей. Но подробности позже – сейчас спать, потому что способность думать вернулась, а силы ушли окончательно.

Наивный.

Николь увели, но Марта никуда не делась. Вообще, женщина на пороге долгожданного счастья – это страшно. Для тех, кто не спрятался.

– Жан, ты не смеешь спать! Ты обязан выслушать! Дорогой, – это уже в зал, – поднимись, пожалуйста!

Вот мало было человеку проблем. Ничего, Жан, ты крепкий, ты выдержишь. Ибо деваться тебе все равно некуда.

– Жан, господин Гурвиль сделал мне предложение! И он хочет усыновить Леона, – сказав это, Марта твердо встала между мужчинами, всерьез опасаясь стать вдовой еще до свадьбы.

А Жан с трудом сел на кровать и потер лицо.

– Дружище, – мальчишка сержант обратился к майору, который был старше его лет на двадцать. Но обратился так, что офицеру и в голову не пришло возмутиться – было в голосе Жана что-то такое… – Ты уверен? Понимаешь, и Марта, и я за своего готовы на всё, но и предательства не потерпим. Если уверен – вот рука.

– Уверен, – Гурвиль пожал протянутую руку.

– Кто расскажет? – Жан посмотрел на Марту.

– Дорогой, – женщина ласково обняла слегка обалдевшего жениха, – ты ведь слышал сейчас баллады о Черном Бароне? Вот, познакомься.

– Таинственная девица, – указав на Марту, добил Жан жениха. – А Леон – мой сын. Я клянусь, что никогда не помешаю вашему счастью, но Леон – мой сын.

Амьенский замок, кабинет графа

Впервые за много лет семья графа собралась в полном составе. Граф, два сына и дочь. Два года назад погиб сын, пять лет назад умерла жена. Остались только эти трое, самые близкие люди. Родные, дороже которых не было ничего. Но сыновья занимались делом, долголетия не сулившим, а дочь… впрочем, о ней сегодня тоже надо поговорить. По крайней мере – попытаться.

Дети удобно устроились в креслах, расставленных вокруг небольшого стола, на котором стояло вино, в широких хрустальных вазах лежали фрукты. Впрочем, именно пить сегодня никто не собирался – разговор предстоял серьезный.

– Итак, ваши сиятельства, – с легкой иронии начал граф, – предлагаю рассмотреть сложившуюся ситуацию. Отчеты управляющего за прошедшие пять лет, а также меморандумы о боевых и полицейских столкновениях вы смогли изучить. Делаю краткий вывод – наше положение ежегодно ухудшается. Основная причина – разгул бандитизма на дорогах, пресечь который не удается. В результате – почти парализована торговля, снижаются объемы промышленного производства из-за недостатка сырья и, опять же, проблем со сбытом.

– Позвольте дополнить, – вступил в разговор старший сын. – У бандитов имеется надежная, к сожалению, рекрутская база – окрестные крестьяне. Разбой дает хороший доход, а наши неудачи делают мерзавцев героями в глазах народа. Мы вынуждены поднимать налоги, бандиты нам противостоят – естественно, крестьяне воспринимают их как своих защитников.

– Но откуда неудачи, вот, по-моему, главный вопрос! – взял слово граф Филипп. – Последний серьезный успех был, если мне не изменяет память, более трех лет назад, тогда отлично сработала охрана обоза. Мы же разбирали этот случай и уже тогда выяснили – бандиты используют агентуру из числа самих обозников. Ведь еще тогда определились, что надо работать в этом направлении!

– Не горячись, брат. Конечно, и работали, и работаем, даже кого-то ловим, допрашиваем, вешаем. Только серьезного успеха нет. Такое ощущение, что пытаемся вычерпать море. Зачерпываем воду, и место тут же заполняется. Пытались допрашивать крестьян – тоже без толку. Молчат, хоть огнем их жги. Да, собственно, и жгли. Или и вправду ничего не знают?

– Но, возможно, главная опасность не в обозах и не среди крестьян? Может, основную информацию бандиты получают отсюда? Из Амьена? – неожиданно для всех вступила в разговор Адель. Мужчины смотрели на нее с недоумением, поскольку пригласили лишь из вежливости. По их мнению, разговор шел о вещах, в которых женщина не могла ничего понимать просто по определению. Графиня знала об этом, но продолжила: – Зачем связываться с кем-то в обозе, если такой человек рискует погибнуть вместе с другими караванщиками? Не слишком ли велик риск, что он сдаст своего нанимателя, просто чтобы остаться в живых?

Адель посмотрела на собеседников, внутренне радуясь произведенным эффектом. Ничего, родные, я вам еще покажу, я вас заставлю с собой считаться. Все-таки хорошую историю рассказал тогда Жан. Как он ее называл – «Три мушкетера»? Неправильное название. Надо было – «Миледи»!

– Предлагаю не обсуждать сейчас моего мужа, но чему-то он меня успел научить. И сейчас я задаю простой вопрос – кто и где всегда точно знает, какой и когда караван должен приехать в Амьен и выехать из него?

После этого граф облегченно выдохнул. Слава богу, никакого озарения на дочь не снизошло.

– Спешу тебя разочаровать, Адель, эта светлая мысль нас уже посещала. Проверили. Так вот, чтобы ты не волновалась – нет такого центра. Часть обозов идет по контрактам купеческой гильдии, часть – по личным контрактам купцов, по поставкам полка, договорам с нами, мэрией и это еще не полный перечень. И все они попадают под удары. Так что нет какого-то одного мерзавца, который держит под контролем весь город!

– Согласна, одного нет. А как насчет этой, как ее, резидентуры, а? Так? Мы же все помним недавнюю историю с детским борделем! Это же Эльдорадо для вербовки! Уж муж бы точно такого не упустил, подсадил на крючок интересных людей, перспективных.

– Ой, слушай, ну не начинай опять, – раздраженно возразил старший брат, только что рожу не скривил. – Разумеется, они и не упустили, разумеется, подсадили. Только это делали не бандиты, а кастильская разведка. А представить, что эти гранды будут связываться с разбойниками – это, извини, из серии салонных дамских страшилок. Один-два раза – возможно, но чтобы столь организованно… Кстати, тоже проверили. Для такой работы надо в разведке целую службу создать, а такой нет, уверен. Впрочем, если это один гений? Филипп, как считаешь?

– Вряд ли. Я бы не справился, и никто из моих знакомых не справился. Хотя… был один. Он бы, пожалуй, смог, но погиб, я сам видел, – тут он понимающе переглянулся с графом. – Так что нет, чтобы один человек держал в узде несколько крупных банд, планировал их нападения, организовал сбыт похищенного и создал мощную резидентуру – нет, невозможно.

Адель расстроенно замолчала. Не верят, не слышат, даже не хотят слышать! Еще бы, разгромили вербовочное гнездо, а заодно и всю резидентуру, герои. А то, что девочки рассказывали, как к некоторым клиентам их возили с завязанными глазами, да и сами клиенты развлекались в масках – это как? Даже зная, что девчонкам жить осталось недолго, сделали все, чтобы их не узнали в лицо! Что же, родные, не хотите помогать – не надо, сама разберусь! Разумеется, вместе с Ажаном, а тот слово всегда держит.

Тем временем мужчины продолжили разговор.

– Однако мы имеем и некоторые успехи, – похвастался граф. – Недавно, под финансирование купеческой гильдии, мы объединили усилия полковой разведки и полиции. Основная работа запланирована на весну, но уже сейчас есть первые результаты. Удалось завербовать одного из бандитов, который сдал расположение своей банды. Пока не трогаем, пытаемся через него найти остальные. Также, действительно, – легкий поклон в сторону дочери, – нашли кое-кого в городе, кто подает сигналы, перехватили один канал связи. К сожалению, не единственный, так что тоже пока не трогаем, работаем дальше, учим разведчиков.

– Кого вы учите? – с веселым интересом заинтересовался Филипп. – Чему? Строем по лесу ходить или пиками белок бить?

– Например, стрельбе из лука.

Филипп от этой новости напрягся, подался вперед:

– Кто?

– Ты не поверишь – Прекрасная Марта! Да-да, та самая трактирщица, у которой ты любишь обедать! Поверь, когда я увидел, что она вытворяет с этим убогим оружием, стало жутко. Представил себя ее противником – на десяти-пятидесяти метрах – без шансов. Не надо, пусть лучше каплунов жарит. Кстати, я понял, почему ты напрягся – подумал о де Безье? К сожалению, чудес не бывает, только сюрпризы. Сегодня на балу ты познакомишься с его младшим братом!

Отступление автора

Иногда сухие документы говорят больше, чем самая изысканная речь самых талантливых писателей. Сводки Совинформбюро, карты и сводки поражений под Харьковом, битв под Сталинградом и Курском. Потом пишутся «Живые и мертвые», «Они сражались за Родину», «Я убит подо Ржевом». Они несут мирному читателю память о смертях, запахе горящих танков и криках умирающих друзей. Но иногда красноречивей любого гения говорят тексты Приказа № 227, отчеты заградотрядов и демографические списки командиров подразделений. Достаточно уметь думать читая, чтобы из отстраненного исследователя текстов превратиться в соратника, пусть и не побывавшего в той мясорубке, но лишь по причине возраста.

Оперативные документы часто обладают тем же свойством самодостаточности, когда, на мой взгляд, их можно просто процитировать, не пытаясь пересказать, наполнить излишними подробностями, выдуманными страстями. Слишком они бывают красноречивы.

Впрочем, в загадочных тетрадях, разумеется, были не сами документы, а записи, выполненные в до боли знакомой манере. Что это – копии действительно написанных документов? И автор действительно во времена барокко писал вельможам в стиле современных спецслужб? Или стилизация, своеобразная ностальгия по прошлому?

Нет на это ответа. Есть только текст.

Глава VIII

Секретно

Экз. един.

Господину интенданту г. Амьен

виконту де Романтену

Ваше сиятельство!

От агента Фальстафа получена информация, что в таверне «У плахи» периодически происходят встречи лиц, многие из которых ранее посещали известное Вам заведение госпожи Шантерель. Периодичность встреч – примерно раз в три месяца, цель встреч и содержание разговоров источнику неизвестны.

Заказ помещения таверны производится заранее, за неделю до встречи. Сразу оговариваются блюда и вина, их ассортимент и количество. Все должно быть подано на столы за час до времени собрания, обслуживающий персонал во время встречи в зал не допускается. Источнику известно, что во время предыдущей встречи в помещение случайно зашел один из слуг, больше его никто и никогда не видел. Владелец таверны рассказывал в присутствии источника, что через день после этого происшествия поинтересовался у родственников слуги его судьбой. Получил ответ, что тот исчез, возможно, куда-то уехал. При этом родственники выглядели, как люди, переживающие большое горе.

Фальстафу также известно, что на вечер ближайшей пятницы назначена очередная такая встреча.

С учетом изложенного планирую провести мероприятия для получения конкретной информации о содержании указанных встреч и установления ее участников.

В этой связи прошу Вашего согласия на использование всего личного состава группы наружного наблюдения в период четверг – суббота. Одновременно прошу откомандировать в мое распоряжение на этот же период сержанта полиции Вида, как имеющего опыт проведения аналогичных мероприятий.

О результатах Вам будет доложено.

Командир отдельной группы полиции г. Амьен

сержант полиции Ж. Ажан

Согласен.

Личный помощник интенданта г. Амьен

майор полиции Г. Гурвиль

Резолюция:

Согласен. Жду доклад о результатах в понедельник.

Секретно

Экз. един.

Господину интенданту г. Амьен

виконту де Романтену

Ваше сиятельство!

Во исполнение Вашего указания докладываю о результатах проведенных мероприятий в отношении лиц, устраивающих конфиденциальные собрания в таверне «У плахи».

На прошедшем собрании присутствовало четырнадцать человек.

Полученная информация свидетельствует, что указанные лица вложили личные средства в предприятие, дающее доходы от ухудшения экономического положения в Амьене.

Организационная структура и суть данного предприятия на сегодня неизвестны. Также неизвестен состав участников, поскольку на собрании они были в масках, покидая собрание, применяли методы выявления и ухода от наружного наблюдения, на собрании обращались друг к другу по номерам, использовавшимся в качестве псевдонимов.

Вел собрание мужчина, к которому обращались «Второй». По-видимому, он является руководителем или представителем руководителя организации. В своем выступлении «Второй» дал высокую оценку эффективности каждого «участника», как он выразился, и сообщил, что за прошедший год в результате успешных действий «организации» и разбойничьих банд доходы каждого составили тридцать шесть процентов, деньги будут выплачены «в обычные сроки и в обычном порядке».

Далее «Второй» сказал, что наступивший год будет решающим и именно в этом году «должен быть достигнут результат, ради которого и создавалась Организация», и призвал к активизации работы. Однако сама основная цель не была названа.

При этом в качестве одной из целей он назвал получение информации о мероприятиях, проводящихся и готовящихся ротой разведки амьенского полка и возглавляемой мной отдельной группы полиции. В том числе – чем занимаются приданные мне сотрудники полиции. Также было озвучено требование найти личные подходы к Вам, господину Гурвилю и ко мне.

В дальнейшем «Второй» провел личные беседы с каждым участником собрания. Их содержание неизвестно.

Из числа участников собрания удалось установить двоих – Симона Грандена, секретаря городского бургомистра, и Жюстин Боннет – экономку главы купеческой гильдии шевалье де Ренарда.

С учетом изложенного прошу Вашего согласия на продолжение мероприятий по данной группе. Делу присвоено условное наименование «Пасека».

Командир отдельной группы полиции г. Амьен

сержант полиции Ж. Ажан

Согласен.

Личный помощник интенданта г. Амьен

майор полиции Г. Гурвиль

Резолюция:

Согласен. Доложите план мероприятий.

Два документа за три дня. На написание каждого ушло полчаса, а вот между ними было проделано море работы.

Никто не знал, кто и, главное, как прибудет на собрание. Ажан даже предположить не мог, что все будет происходить по подобию дешевых детективов – маски, номера вместо имен… Словно попал в романы Честертона и Эдгара По. Но, как оказалось, такая горе-конспирация сработала! Принять под наблюдение удалось лишь двоих, и тех едва не потеряли – объекты сели в экипажи, ждавшие их на соседних улицах, и поехали кружить по пустынному ночному городу. Пришлось сломя голову бегать по темным улицам, рискуя сломать ноги на разбитых мостовых или нарваться на грабителей, для которых это время было самым рабочим.

Даже зафиксировав адреса, нельзя было разойтись по домам. А если кто-то заехал на пару часов или просто на ночь? Уйдет, и где его потом искать? Так что пришлось всю ночь торчать в подворотнях, прижимаясь к стенам и опасаясь уже не «ночных кавалеров», а своих же коллег, которые запросто могли заинтересоваться, какого демона трое немолодых и небогатых мужчин делают в элитных кварталах города?

А это были именно богатые кварталы – мужчина приехал в дом, расположенный по соседству с домом бургомистра, а женщина – в дом самого шевалье де Ренарда, главы купеческой гильдии и главного спонсора организованной Ажаном антипартизанской борьбы! Узнав об этом утром, Жан схватился за голову, испугавшись, что против него играет дочь де Ренарда Эльвира, теперь уже невестка – мадам де Безье.

К счастью – нет. Просто уважаемый господин, похоронив два года назад жену и выдав замуж дочь, остался в своем доме один, ну, не считая прислуги, разумеется, и переселил к себе любовницу – мадам Жюстин. Ирония судьбы заключалась в том, что именно для встреч с этой уважаемой дамой им когда-то была приобретена квартира, сейчас получившая условное наименование «Теплая».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Dolce far niente (итал.) – прекрасное ничегонеделание.

Купить: https://tellnovel.com/grishin_aleksey/reshenie-oficera

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити